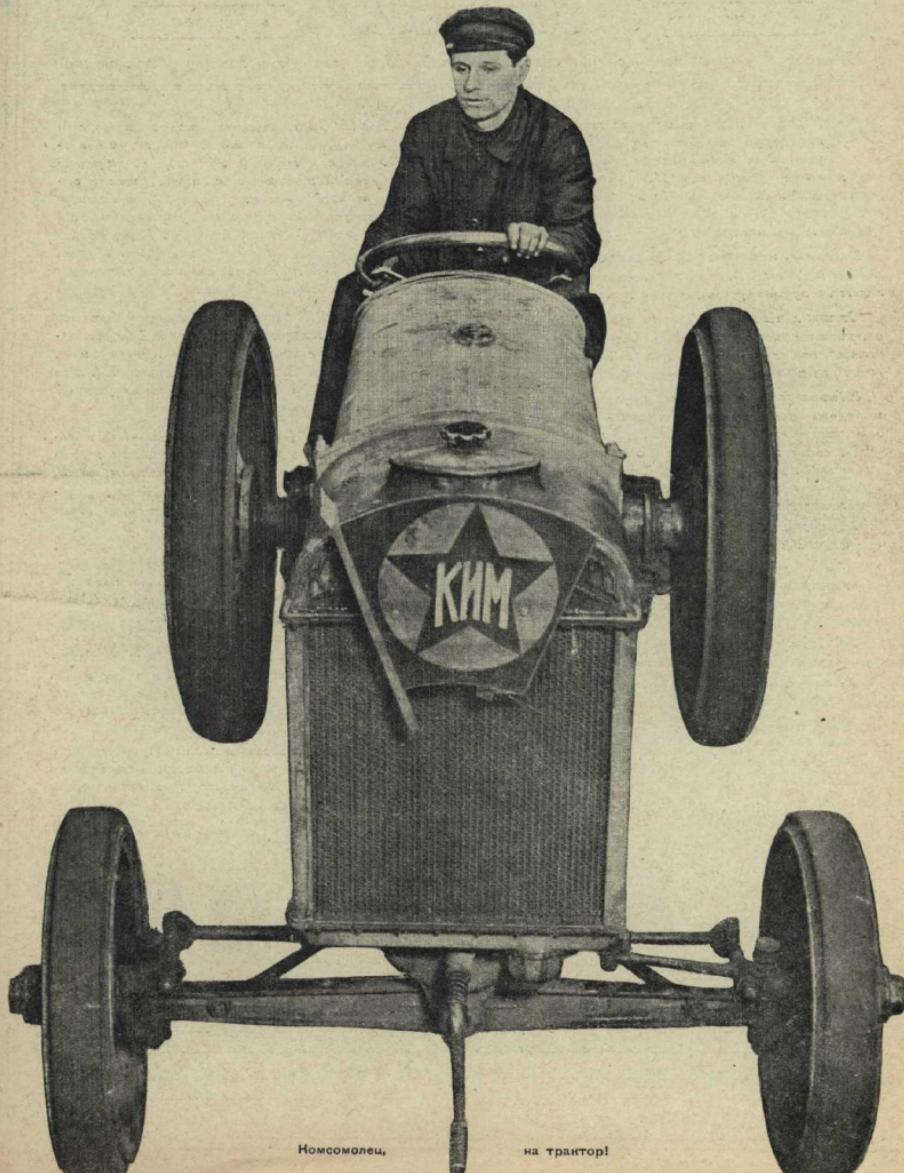

No 21 - 1923

Цена 10 коп.

C M E H A

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Комсомолец.

на трактор!

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1929 год

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ МОЛОДЕЖИ

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

„СМЕНА“

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

В 1929 году журнала „Смена“ даст своим подписчикам 38 бесплатных и платных приложений

24 НОМЕРА двухнедельного иллюстрированного литературно-бытового журнала „Смена“ в цветной обложке, имеющие за год до 500 страниц журнального формата (1.500 столбцов узорчатой печати) и около 800 фотографий и иллюстраций лучших художников и фотографов. В журнале „Смена“ будет в 1929 г. печататься:

Романы, повести и рассказы лучших современных писателей. Произведения, рисующие жизнь молодежи, и лучшие произведения начинающих писателей.

Стихи лучших комсомольских поэтов. Постоянная страница начинавших поэтов. Отдел „Стихотворчество“, под редакцией В. Плеста (в 1929 г. будет проведен ряд конкурсов стихотворчества с премиями).

Жизнь и быт молодежи — повести, рассказы и художественные очерки, рисующие жизнь и быт молодежи — дома, на предприятиях, в ячейке, в клубе, учеба, семья и брак, отдых. Постоянная дискуссия читателей на бытовые темы. Конкурс на написание лучшего рассказа и художественного очерка, посвященного молодежи.

Молодежь в театре и кино — все новые постановки в театре и кино-картины, изображающие молодежь, с многочисленными фото-снимками.

Физкультура и гигиена молодежи. Игры молодежи на воздухе и дома, под редакцией А. Барахина.

Шахматы, под редакцией С. М. Слонима. Конкурсы решения задач и упражнений с премиями.

Шашки, под редакцией В. В. Медкова. Конкурсы решения задач с премиями.

Задачи и ребусы. Конкурсы решения с премиями.

Книжная полка. Рекомендация книг читателям. Статьи о литературе.

Юмор.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Журнал „СМЕНА“: 1 год — 2 руб., 6 месяцев — 1 руб. 05 коп., 3 месяца — 55 коп. Журнал-газета „НА СУЩЕ И НА МОРЕ“: 1 год — 1 руб. 45 коп., 6 месяцев — 75 коп., 3 месяца — 40 коп. Библиотека „ЖГУЧИЕ ВОПРОСЫ“ (6 книг) — 35 коп. все книги. „БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И КРАЕВЕДЕНИЯ“ (6 книг) — 3 рубля все книги.

Желающий выписать журнал „СМЕНА“ с одним или несколькими приложениями должен во избежание недоразумений, указать точно — какие именно приложения он желает получить в 1929 году.

ПОДПИСКУ И ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ по адресу: МОСКВА, Б. Чертковский, 6. Главной конторе периодических изданий Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ или сдавать всем местным отделениям издательств „ПРАВДА“ и „ИЗВЕСТИЯ“. Всесоюзного книгоиздательства печати и во все почтово-телеграфные отделения.

СПЕШИТЕ ВНЕСТИ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПЕРЕБОЕВ В ПОЛУЧЕНИИ ЖУРНАЛА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
КИНО И ТЕАТР.—ФИЗИКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 68, тел. 1-51-01.

Подписано в печать: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—15 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 21

★ ★ ★

НОЯБРЬ

★ ★ ★

1928

Ильич и борьба с дурманами

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ХУДШИЙ И ОПАСНЕЙШИЙ

БОРЬБА со всевозможными дурманами всегда находила во Владимире Ильинце самого яростного приверженца.

Действие религиозного дурмана Владимир Ильинч считал худшим и опаснейшим. Опять же, можно проститься,— говорил он,— а религия запутывает, засасывает человека так глубоко и так всесторонне, что уйти, «проспаться» от этого психического дурмана бывает очень трудно. Религия цепка, как паук мууху, держит в своих лапах каждого, кто только попал в паутину религиозной мысли; как опium, она отравляет постепенно весь внутренний психический мир человека до тех пор, пока не завладеет им совершенно.

Ленин говорил, что с тем обманом, в который вступают народные массы почти всех народов, надо бороться постоянно, упорно и настойчиво, бороться применением, «вокаузом». Прекрасно сознавая, что корни всякого дурмана коренятся в самом строе общества, что не в культуре отдельного человека, Владимир Ильинч всегда говорил, что не надо из-за этого складывать рук, но, наоборот, необходимо везде вести борьбу со всевозможными психическими и физиологическими дурманами самым тщательным и самым энергичным образом.

Лично он показывал пример изумительной выдержанки и в этом отношении, как и во всем прочем.

НЕ ОТРАВЛЯЙТЕ ДРУГИХ

Все, что одуряло сознание, Ленин ненавидел всеми силами. Так он терпеть не мог табачного дыма. Где бы он ни был: у себя ли в кабинете, дома ли, на заседании или на собрании,— он всюду энергично протестовал против курильщиков, просил их не курить, вывешивая везде плакаты с надписями: «здесь воспрещается курить», «просят не курить» и т. п. Он всегда негодовал, когда курильщики не подчинились этим вызовам, говоря им, что ежели они сами не могут отыскнуть от этой пагубной и скверной привычки, то для чего же других они заставляют вдыхать этот отвратительный дурманящий сознание яд?

ЧЕЛОВЕКА ЗА ЧЕЛОВЕКОМ

С религиозным дурманом Ленин наказывал воинствующему марксизму борьбы везде и всюду. В своих речах он недарко упоминал об этом и поддерживал инициативу каждого, кто только брался за пропаганду против религиозных идей, за безбожие. В то же время Владимир Ильинч требовал от всех весьма терпеливого и терпимого отношения к религиозным обрядам и обычаям, еще коренившимся в малокультурных частях населения. Прекрасно понимая, что эти предрассудки должны быть изживаемы долгими годами, что они будут отмирать и исчезать параллельно с постепенным переходом от мелкой, особенно посемейной, частной собственности к колективному хозяйству, он предлагал «весько и надолго терпеливо и настойчиво бороться с ними и антирелигиозной пропагандой и широким просвещением масс. Ленин предлагал вести это дело, не озлобляя, не фантазируя «верующих» пределованиями и административными воздействиями, но отрывая от всех этих церквей, сектантских общин, старообрядческих согласий и пр. подобных учреждений старого уклада жизни человека за человеком. Он ценил каждый случай, когда удавалось отвлечь кого бы то ни было от этого опаснейшего психического дурмана и радовался каждой новой организации атеистов-бездожников.

АЛКОГОЛЬ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

В борьбе с алкоголизмом, с этим третьим дурманом злом, физически уничижающим людей, Владимир Ильинч не уставал бороться делом, словом и примером.

Революция 1917 года застала старую Россию в таком положении, когда еще действовал закон царского правительства о полном запрещении продажи спиртных напитков. Вodka почти исчезла из употребления, но особенно распространялся употребление политуры, эфира, одеколона, денатурированного спирта, самогона и других ядовитых веществ, которые нередко доводили людей до слепоты, отравления внутренних органов и преждевременной скоропостижной смерти.

В те минуты, когда воля масс была направлена империалистической войной, когда возбуждение поднялось до последней точки в дни Февральской революции,— народные массы начали еще более дурманить свое сознание, и пьянство стало усиливаться.

Когда, наконец, грянул Октябрь и действенные силы народа направились до высшего предела, а власть перешла в руки рабочих, то в скором времени советскому правительству стало известно, что в Петрограде контрреволюционеры стали подбивать массы на разгром магазинов, в которых продалялось к тому времени разрешенное виноградное вино.

И действительно, огромные массы разложившихся тыловых войск, которых в Петрограде насчитывалось более чем 60 000 человек, всевозможное бродячее население огромного города стало скапливаться около трактиров и магазинов. Разбивались окна, двери, толпы вливались в помещение и расхищали винные запасы. Какие-то неизвестные лица стали раздавать солдатам Преображенского и других полков бутылки с коньяком, приглашая двинуться к винным погребам Зимнего дворца. Там хранились сотни тысяч бутылок вина.

Владимиру Ильинчу стало известно про эти опасные дела и тревожное настроение в Петрограде, и он потребовал от пре-

В ДНИ КУЛЬТУРНОГО ПОХОДА — ликвидация неграмотности среди сезонников-строителей

зидиума Петроградского совета принятия самых энергичных и решительных мер, учтывая, что этот пьяный разгул даст контрреволюции все силы и все возможности для усиления дебоша, скандалов и погромов.

Военно-революционный комитет и президиум Петроградского совета предложили организовать особый комитет по борьбе с пьяными погромами, контрреволюцией и бандитизмом, а мне стать во главе его.

После первого доклада председателю Совета народных комиссаров и президенту Петроградского совета я высказал определенное мнение, что борьба с пьяными погромами и разгулом должна вестись самым суровым и может быть даже жестоким образом, до применения оружия там, где потребуется.

В дальнейшем я несколько раз в день докладывал Владимиру Ильичу о ходе борьбы с пьяным угаром Петрограда.

ПО ВОДОСТОЧНЫМ ТРУБАМ

Помню, когда мне пришлось сказать Ленину, что придется перебить сотни тысяч бутылок с вином, так как не было возможности охранять склады, малоизвестной вооруженной силой, — Владимир Ильич тотчас же одобрил эту меру и просил приступить к ее осуществлению немедленно.

Наши отряды входили в запасные склады, уже обнаруженные толпой, и разбивали на месте все вино. Я помню, например, что в складах фирмы Смирнова, уже осаждаемых толпой, находилось, как в бутылках, так и в бочках, громадное количество красного столового вина. Вино, выпущенное нами, каскадами ниспадало по лестницам и лилось вниз через подъезд на улицу. Прохожие толпы пытались черпать это вино руками, чайниками, разной посудой, но их отгоняли, и вино разливалось красно-грызными потоками по двору и по улице и в конце концов сливалось в водосточные трубы.

Такое энергичное уничтожение запасов алкоголя дало, можно сказать, блестящие результаты. Через четыре дня мы вместо 663 заявок, которые были в первый день — о погромах, о всевозможных уличных выступлениях, разгромах, грабежах и убийствах, совершенных в пьяном угара, — имели только четыре заявления, и город Петроград принял совершенно неизвестный, мирный вид. Докладывая

во всех районах о мерах, предпринятых правительством по борьбе с пьянством, проводимыми силами нашего комитета, я убедился в том, что рабочие в один голос одобряли все эти крайне репрессивные меры. Это общее мнение рабочих масс очень нас ободрило, и мы с радостью и еще большей настойчивостью провели в жизнь все те директивы, которые получили и от ЦК нашей партии, и от Совнаркома, и от Петроградского совета, и от Военно-революционного комитета.

ПОДСТРЕНАТЕЛИ

Владимир Ильич ликовал, когда я сообщал ему о результатах борьбы с погромами, об уничтожении вина и спирта, о единодушном мнении рабочих районов, о десятках арестованных неизвестных личностей, которые подстремкали толпу к разгрому. Многие из этих подстремателей сознались, что они действовали по директивам различных пополовских, офицерских, ударнических, смертниковских и всяких других организаций контрреволюционного времени. Агенты контрреволюции правильно рассчитывали, что пьяному и море по колено, что вино затопят сознание рабочих масс и поднимет их ити на самые ужасные и пьяные дебоши, бунты и эксцессы.

— Нам, — заявил мне один арестованный, — безразлично с какого конца начнется борьба против тех узураторов власти (так называли now большевиков), которые хотят устроить свое собственное, рабочее государство. Нам нужен бунт, разруха, нам нужны пожары, поджоги, погромы, убийства, и мы знаем, что в этих действиях пьяной толпы мы найдем себе крупных союзников для борьбы с большевиками.

Это откровенное признание одного из деятельных контрреволюционеров, о котором мы широко оповестили широкие массы, открыло глаза тем, кто не хотел видеть весь социальный контрреволюционный смысл пьяного угаря в таком ответственное время, когда совершается революция.

Совершенно справедливо говорят о том вреде, который приносит пьянство отдельному человеческому организму, но к этому еще необходимо прибавить, что социальное контрреволюционное зло от пьянства значительно, почти неизмеримо, превышает все индивидуальное его зло. И об этом следует всегда помнить.

ВРАГИ ТРЕЗВОСТИ

Я думаю, что мы, идущие все далее и далее по пути борьбы с алкоголизмом, идущие несомненно к полному уничтожению пьянства, должны наперед знать, что наши враги в этом деле — это всевозможные кулаки, всевозможные человеческие остатки старого порядка: попы, монахи, миссионеры, скрывающиеся полицейские, урядники, бывшие чиновники и бывшие купцы и все те, кто так или иначе еще думает мыслью о старом порядке. Вот они всегда, всюду и везде будут заводить сами и толкать других устраивать тайны самогонных организаций, вовлекая в них падких и жадных до легкой наживы крестьян, вырастающих в кулаков, бывших кабачников, шинкарей, сордателей тайных притонов, публичных домов и прочих отребьев рода человеческого. Все эти люди всегда будут нам бросать палки в колеса в нашей борьбе с алкоголизмом и будут стараться переходить на самогон, как только правительственные меры направятся к значительному уменьшению, а может быть и к полному уничтожению выкуриивания заvodskого хлебного или картофельного вина.

По опыту прежних лет мы должны твердо знать, что эти люди — злейшие врачи рабочего класса, врачи крестьян, врачи всех трудящихся, врачи современного порядка вещей, врачи нашей партии, врачи советского правительства, врачи диктатуры пролетариата. И они должны быть беспощадно, с корнем, вырываемы из этой среды, где они живут, как самые отвратительные и ужасные народные плевелы, отравляющие и разлагающие народные массы.

Владимир Ильич никогда не знал пощады к людям, разрашавшим наше молодое социалистическое государство, к тем, кто нарушил план строительства, кто срывал своей деятельностью то, что было предначертано советским правительством к исполнению. Нужно ли говорить о том, что пьянство, пьяный угар и разгул, с самогоном во главе, являются действительными расхитителями нашего все более и более накапливавшегося государственного блага и богатства, действительными уничтожителями человеческих жизней и самой организации социалистического общества.

И здесь, я думаю, мы исполним один из главных заветов Владимира Ильича, если об явии алкоголизму, его приверженцам и насадителям самую отчаянную, бесповоротную и беспощадную борьбу.

САД

Стихотворение П. ПАНЧЕНКО

Встанешь утром
Радостным и ранним
Для борьбы,
Для песен,
Для забот—
И поймешь, что ты
Таким желанным
Пришагал сегодня
На завод...
Милый друг!
Ты слышишь
Этот грохот,
Видишь этот
Копоти налет?
Это — большевистская эпоха
Песнь созидания поэт.
Тополями
Встали эти трубы,
Как оракулеры—
Корпуса...

Ты придешь сюда—
И ты полюбишь
Этот стройный,
Этот знойный
Сад.
Полыханье пышное
Раскинув,
Опытной
Взлесенны рукой,
Горны — маки,
Горны — геригины
Облетают терпию пыльцой.
Станешь ты,
Задумчивый садовник,
Каждое растение
Беречь,
Станешь—
И послушаешь любовно сада
Восхитительную речь...
Развернувшись

Яростные горла,
Соловийный
Выстроился ряд;
Это пневматические сверла
Для заклепок
Гнезда мастерят,
Ручники,
Что ядра дождевые,
Грохают,
Поют на все лады;
Это — зреют шхуны наливные —
Звонкие
Ядренные плоды...
Милые друг!
Ты слышишь
Этот грохот,
Видишь этот
Копоти налет?
Это — большевистская эпоха
Песнь созидания поэт.

Первая

Рассказ М. ЗДЯРСКОГО

Рисунок Г. БЕРЕНДГОФА

ПЕРВАЯ, как всегда, бывает первая. Как первый грех, как первая измена... Еще не потерявшая очарования невинности... еще примитивная, по-детски неловкая.

Это было лет 20 тому назад, когда я был в восьмом классе царской гимназии. Я только что вернулся из трехмесячного не совсем желанного отпуска: отсиживал по обвинению в участии в съезде социалистической молодежи. Ждали меня два года полицейского надзора. Вернувшись, прямо попал в широко раскрытые объятия товарищей по партийной работе — молодых рабочих. Председатель кружка молодежи красильщик Виктор Копульский долго и уверенно, с твердостью, не терпящей претворений, уговаривал меня как можно скорее заняться двумя кружками молодежи когда-то обширной и сильной партийной организации левицких ППС². Чувствуя, что придется заняться этим, я однажды, стараясь на время это отсрочить:

— Первое время будут за мной ходить. Могу и вас, не только себя, провалить. Сначала постараюсь усыпить немного их бдительность, а после спокойно за работу взоймусь.

Но Копульский был неумолим:

— Слушайте. Вы должны обязательно притти. Ведь мы уже давно не имеем никого, кто бы руководил нашими кружками. Нам самим трудно вести партийную работу. Нужно удержать хотя бы то, что осталось. Наша ребята с нетерпением ожидают докладчика, который мог бы им сказать больше того, что они уже знают. Они хотят послушать доклад о партийной жизни. Что-нибудь из вопросов подпольной работы. Обязательно придите. Работа сразу оживится.

Когда же он в придачу намекнул еще об увиливании интеллигентов от партийной работы и от выполнения своих обязанностей, я сдался.

— Куда вы у вас первое собрание?

В воскресенье, в одиннадцать. Квартира надежная: сбраний там еще не было... Ровно в одиннадцать кто-нибудь из наших будет ожидать при входе в сад.

— Хорошо!

В воскресенье в штатском костюме (будут ведь новые люди, пускай не знают, что я гимназист) явился я в назначенное место. Перед садовой калиткой никого не было. Я опоздал на целые 10 минут. Улица, ведущая к окраине города, была почти пуста. В конце ее краснело кирпичное здание казенки, а за ним в отдалении рисовались еще белые от снега поля и серые стены еврейского кладбища.

«Опадывают», — предположил я. Думал, что буду последним, а между тем приходится ждать.

Я начал ходить по улице. Мимо меня прошел какой-то рабочий, направлявшийся в город, одетый по праздничному; какая-то старушонка проковыляла, возвращаясь из костела, все еще набожно перебирая четки; потом радостные и весело щебечущие подростки пронеслись, как стая весенних птиц, а за них никого.

«Что ж это в самом деле никого нет?» Я посмотрел на часы. Уже более четверти часа хожу я туда и обратно по улице, а никто и не думает приходить. Возможно, однако,

что меня ожидают в квартире или саду... Вшел я в сад Никого. Зато перед домом огородника, находящимся приблизительно в 200 шагах от калитки, равномерно прохаживается полицейский во всеоружии — с саблей и револьвером.

«Тьфу, что за чорт! Что он там делает? Лучше не входить, подожду на улице». И снова я начал свою прогулку вдоль длинного забора. Над ним свешивались сухие, оголенные ветки деревьев. Летом зеленые и полные птичьего гомона, сегодня они висели немо и безжизненно. Колеблемые ветром, они как будто напоминали мне:

— Иди домой! Ты свое проездил. С чистой совестью можешь ити. Там притаилась опасность...

Но с глухим упрямством я мысленно возражал:

— Это пустяки. Почему только один полицейский... Попросту вышел из сада, лежащего по соседству, и хочет пройти к огороднику. Наверное через несколько минут уйдет. Впрочем, проверю еще раз положение.

Осторожно вошел я еще раз в сад. От дома огородника отделяла меня группа фруктовых деревьев. Их темные стволы служили и для меня прикрытием. Осторожно пробрался я между ними, чтоб не производить ни малейшего шума.

Полицейский продолжал медленно ходить перед домом. До уха моего даже донесся звук его шагов: члоп, члоп. Вид полицейского мне подсказал, что он тут не случайно.

«Нужно возвращаться», — убедил я себя.

Начало отступление. Но уже с меньшей осторожностью. Неожиданно около меня с дерева спрыгнула стая крикливых ворон. Спешу уже к калитке, когда слышу за собой громкое на весь сад:

— Эй, там! Стой!

Само собой разумеется, что я и не думал останавливаться. Быстро подбежав к калитке, я бросил еще раз взгляд назад — на полицейского. Он на меня легко смотреть. Из дома выбежал какой-то мундир, один, другой, третий...

Улица, к которой я пришел, была пуста. Я летел вперед. Куда? В позе предметной? Нет. Там меня легко окружат. Ни кустов, ни зарослей. До кладбища слишком далеко. Никаких домов и заборов, между которыми можно было бы прятаться, пропустив мимо погоню. Единственный путь — это последняя перед концом города перекрестная улица. Ни единого здания нашей гимназии, а там известен мне каждый закоулок, каждая дыра. Если только успею, то там найду где спрятаться. Наверняка найду.

Слышу за собой тяжелый топот солдатских сапог:

— Стой! Стрелять буду! Стой!

Завернув за угол соседней улицы, бросил взгляд назад. Да разве это погоня? По середине улицы катится тяжелый допотопный экипаж. Путающийся в длиннейших полах своей шинели, с неуклюже волочащейся шашкой, бежит, едва переворачиваясь, полицейский. Старая извозчикья кляча гонится за быстроногим рысаком! Но увы, за ним бегут и другие.

Во дворе гимназии секунда раздумья — и, перескакивая сразу по нескольку ступеней, я вбегаю на третий этаж флигеля, где жил знакомый профессор. Запыхавшийся, красный, в поту, из всех сил дергая звонок. Что за чорт, почему так долго не отвечают? Слыши, наконец, шаги, легкие шаги: женщины. Долго возится с ключом в замке, чтобы ее... Осторожно приотворяет двери, высывает голову: прислуга. Глаза ее осматривают меня недоверчиво и подозрительно.

— Профессор Ольшовский дома?

¹ Левина ППС — революционное крыло в ППС, образовавшееся при расколе этой партии в 1906 г. В 1918 г., слившись с польской СД, образовала Коммунистическую партию Польши.

— Нет!

— Я подожду прихода профессора в кабинете, — говорю я, стараясь прятнуться в дверь, но чувствую неожиданный толчок, и дверь захлопывается у меня перед самым носом. Ключ поворачивается в замке, и ответ доносится уже через дверь:

— Нет, нельзя. Придите после.

Ругнувшись в сердцах, разочарованный, я начал спускаться вниз. Выглянув в окно на площадку между этажами, я увидел: мундиры... Голубые, серо-зеленые, полицейские, жандармы... синие и желтые нашивки... Осматривают все углы, козырь, конечно, сарай... пост в воротах, пост при входе в сад.

На втором этаже вижу: двери классов немного приоткрыты Вхожу. Пусто, никого.

«Но где тут спрятаться?» Одни только скамейки, да кафедры. Пользуясь удобным случаем, надо по крайней мере порвать компрометирующие бумаги.

Торопливо шагою по всем карманам. Рука на мелкие кусочки тезисы доклада, с таким энтузиазмом и трудом обработанные и казавшиеся мне столь интересными, исчезающими.

А теперь, когда я чист, не лучше ли смело, лицом к лицу встретить преследователей? И как ни в чем не бывало, отрицаю все: никогда я не был, ничего не видел, не слышал,— одним словом, знать не знаю и вспоминать не ведаю. Старый испытанный метод революционеров. А в самом деле так легко мне выкрутиться: я являюсь учеником 8-го класса, скоро экзамены — пришел я в гимназию за информацией. Нет! Это не поможет: штатская одежда и шапка выдаут. Лучше спрятаться... Но где?

Бес помощно перехожу я из класса в класс. Всезде одно и то же: скамьи с плюшитрами (ах, если бы эти плюшитры были побольше), табличка на стене, кафедра. За этим классом комната-кухня, бывшая когда-то кухней... Стоит здесь маленький шкафчик. В него не взлезть. Вдруг над старой плитой вижу небольшие антресоли, где валился старый непузный хлам. В одно мгновение я уже нахожусь там. Пыль, грязь, задыхнуться можно! Но все это пустяки. Моя товарищи по несчастью — дырявый кувшин, стул-антилед на двух ножках... Я забился в самый отдаленный и темный угол.

Наступило тягостное ожидание. Как долго оно продолжалось? Кто поймет всю тревогу и нетерпение узника, ожидающего желанного и радостного часа освобождения! Я уже думал, что не придут, что они уже отказались от дальнейших поисков, что, обыскав двор и сад, они удалились.

Однако же они тут. В соседней классной комнате слышны тихие, громкие шаги, звон шашки, неосторожно за что-то зацепив, шум, производимый плюшитрами, и грохот отодвигаемых скамеек.

Добросовестно ищут. Найдут... Вытащат...

Идут, через минуту будут здесь, в кухне, подо мной. Сердце мое бьется усиленно. Проклятое сердце! Оно будто готово меня выдать: бьется так, что слышно за версту. Они уже тут! Последнее усилие воли, последний категорический приказ: тише, успокойся. И тихо. Замерло... Задерживаю дыхание. Пыль лежит под одежду, закупоривает нос — щекочет невыносимо. Сейчас чихну...

Слыши голоса:

— Где же ему тут спрятаться? Садом прошел, — уверенно обясняет сторож.

— А это что такое? — спрашивает чей-то сильный бас.

— А это у нас школа с книгами. Там не скроется. За-перто.

— Да ну его к чорту! Идем! — угрюмывает другой голос.

Ушли. Еще звенят волочащиеся по полу сабли, но все тише и слабее. Потом наступает полная тишина и одна только надоедливая муха журчит над ухом. Долго еще я лежал в своем укромном и грязном убежище, пока, наконец, не осмелился его покинуть.

Ровно три часа я явился по вызову повесткой в жандармское управление. Меня сейчас же направили в кабинет жандармского полковника, начальника губернской охраны. Мне пришлоось пройти через обширную прилежащую к кабинету комнату. В отверстиях занавеси, разделяющей комнату на две части, я заметила несколько пар глаз, внимательно и напряжено рассматривавших мою особу; это укрытие за занавесью шапки «знакомились» со мною. В кабинете начальника за небольшим столом сбоку сидел секретарь, напротив же дверей за большим красного дерева письменным столом сидел сам полковник. В мундире, со всеми регалиями и с Анной на шее, высокий, худой, седой старик.

— Я хотел познакомиться с вами. Ведь, вы, говорит, горячий революционер?

Какая добродушная ирония звучит в его словах!

Молчу и жду, что будет дальше.

— Так пишут мне из Варшавы. Отдают мне вас под опеку. Что вы там вспомнили такое в Варшаве?

С облегчением вздохаю, Значит это не по поводу ищущей истории меня звали. Отвечаю, стараясь представить в совершение невинном виде свой варшавский арест.

— Несколько товарищей устроили собрание, желая почтить головину дня рождения польского поэта Словацкого. На собрании были найдены какие-то компрометирующие бумаги, и нас арестовали, обвинив в сочинении в съезде социалистической молодежи.

— Гм... Так. А как же полиция узнала о вашем собрании.

— Ах, уж эта молодежь! Нужно так устраивать свои собрания, чтобы вас не арестовывали.

Вздохнув, признаю в душе, что полковник совершенно прав.

— Прислали мне тут ваш паспорт и бумаги, взятые во время обыска. Возьмите их и распишитесь в получении!

Проверив вещи, присланые из Варшавы, я подписала протокол и повернулся к полковнику, чтоб попросить разрешения удалиться.

Но что это? На его месте сидел кто-то другой! Вместо добрых — зеленые, злые глаза; седая борода легла строгим, суровым змеем, на подобие каменных бород кровожадных королей ассирийских. Еще минута, еще секунда, а из головы этого грозного бога ударит в меня гром и молния. И ударила:

— Вы вчера были в саду Слупецкого.

— Нет... с какой стати.

— Вы были там на собрании... в домике садовника... — цедил змениный голос... А что вы делали вчера между 11 и 12 часами дня?

— Ходил с товарищами по Тумским горам. Как всегда в воскресенье... В каком же это преступлении, г. полковник, меня снова подозревает?

И вновь мне отвечал добродушный голос симпатичного старика:

— Нет, нет. Ничего. Я вас просто так спрашиваю. Так мне что-то казалось... Это ничего... Вы свободны... Может быть.

Не ушел я, а попросту удрал, так что только пятки сверкали.

ПУЛЬС БОРЬБЫ

(По страницам зарубежной комсомольской печати)

И. ИППОЛИТ

«ПРОСНУВШИСЬ рано утром, лейпцигский бургомистр взглянул в окно изнутри от ужаса. На ширинах ратуши весело полоскалось по вечеру красное знамя с щитом — выведенной пятиконечной звездой, серпом и молотом.

Бургомистр протер глаза. Красное знамя не исчезало. Это был не сон. Очевидно, в ночь на воскресенье тихий город Лейпциг сделался объектом большевистского переворота. Когда это предположение отпало, ужас почтенного градоправителя перешел в ярость. В его городе, на базарной площади, да еще на правительственном здании возвышается коммунистический флаг — возмутительно! Сейчас же снять его, найти виновников, повесить их, расстрелять!

Однако, не говоря уже о виновниках, снять дразнищеское знамя с трехэтажной высоты птицами не легко. Было совершено необычно, как оно туда попало: у ратуши стоял полицейский, ворота были закрыты, туда не могла проникнуть даже мышь, только проклятый большевик.

Пока бургомистр бесенуется около недоступного стиги, мы поговорим с читателями дальше. Мы не скроем от него, кто поднял над ратушей опасное знамя — это сделали лейпцигские комсомольцы, спрашивающие сегодня юношеский день...»

Так начинается описание одного из юношеских дней в чехословацкой комсомольской газете. Речь здесь идет не о МЮДе. В Западной Европе, особенно в Германии, Австрии и Чехо-Словакии, практико устраивали «юношеские дни» по мимо МЮДа, например, в этом году он праздновался на трифони.

В Германии в этот день была назначена встреча комсомольцев в Хеминице. Со всей страны съехались делегации и представители комсомольских организаций. В торжественном шествии принимали участие свыше 15 тысяч человек — весьма впечатляющее зрелище.

В Чехо-Словакии буржуазное правительство не чувствует себя столь уверенно, как немецкое, и в ряде мест запретило устройство юношеских дней. В окрестях Брatisлавы при этом была выставлена открытое циничная мотивировка:

«Собранный молодежи для обсуждения политических вопросов было уже достаточно. За последние времена политическое положение не настолько изменилось, чтобы его стоило снова разбирать».

Так в демократической республике, в центре просвещенной Европы воскresают средневековые нравы и порядки.

Полиция, жандармерия, провокация, цензура, суд — все в Чехо-Словакии поставлено на ноги в злой борьбе с коммунистическим движением. Почти

Утро офицера. Каинатура из военного листка Шведского комсомола

в каждом номере комсомольской газеты, который ускользает от конфискации, помещается список жертв коммунистического движения — товарищей, попавших в лапы буржуазной юстиции.

Трудно поверить, какого ничтожного повода достаточно, чтобы расправиться «по закону», с представителями рабочей молодежи. Раскрываем наудачу номер:

«Комсомолец Вильгельм Рихтер судился в Рейхенбергском окружном суде за речь, которую он произнес год тому назад. Единственным свидетелем со стороны обвинения был агент полиции. Несмотря на отсутствие более веских улик, Рихтер был приговорен к 3 месяцам тюрьмы».

Развернем английскую газету — та же картина. Там газета просто «водит» до следения читателей:

«В Нельсоне оформилась организация КСМ. Желающие вступить товарищи связывают связи с секретарем Фредом Гендерсоном, Гендал-стрит, 73».

В том же номере находим очень характерное письмо. Руководители местных отделов социалистической гильдии молодежи пишут, что они больше не хотят оставаться в этой гниющей и заражавшей воздух организации. «Мы надеялись, — пишут они, — превратить гильдии молодежи в революционные юношеские союзы. Но теперь ясно, что они обречены Независимой раб. партией (англ. с.-д.) на никчемное существование. Часть членов сразу после этого перешли в КСМ. Мы видим, что они были правы, и нам надо было тогда же следовать за ними. Оставшиеся гильдии, для нас остается один путь — в КСМ, подлинную боевую организацию пролетарской молодежи».

Обращение к читателям английской комсомольской газеты «Молодая Рабочий». Приведем перевод этого любопытного обращения:

«Мы не просим помочь утолстому, нет, мы ждем от тебя, который читает эту газету,

что ты сделаешь для „Молодой Рабочего“ „Молодому Рабочему“?

Если нет, то пошевеливайся — толстый дядя за тобой работать не станет!»

Хорошим ответом на преследования буржуазии являются публикующие в комсомольских газетах отчеты о вербовке новых членов.

В том же номере чехо-словацкой газеты, где напечатан приговор по делу Рихтера и Габорского, мы читаем, что за 6 месяцев этого года комсомольцы Пильзенского округа организовали три новых ячейки при предприятиях, одну — уличную,

одну — сельскую и принятия в союз 100 новых членов.

В Германии рост идет еще быстрее. К уже упомянутым съездам юношескому дню в Хеминице были проведены вербовочные кампании в комсомол. Вот некоторые данные из ее итогов:

Нижний Рейн	— 160 новых членов.
Вост. Саксония	— 150 > >
Город Хеминич	— 150 > >
» Лейпциг	— 130 > >
» Минхен	— 70 > >

и т. д.

Развернем английскую газету — та же картина. Там газета просто «водит» до следения читателей:

«В Нельсоне оформилась организация КСМ. Желающие вступить товарищи связывают связи с секретарем Фредом Гендерсоном, Гендал-стрит, 73».

В том же номере находим очень характерное письмо. Руководители местных отделов социалистической гильдии молодежи пишут, что они больше не хотят оставаться в этой гниющей и заражавшей воздух организации. «Мы надеялись, — пишут они, — превратить гильдии молодежи в революционные юношеские союзы. Но теперь ясно, что они обречены Независимой раб. партией (англ. с.-д.) на никчемное существование. Часть членов сразу после этого перешли в КСМ. Мы видим, что они были правы, и нам надо было тогда же следовать за ними. Оставшиеся гильдии, для нас остается один путь — в КСМ, подлинную боевую организацию пролетарской молодежи».

№ 18 - 10. Juni 1928

Central-Organ des Kommunistischen Jugendverbandes Deutschlands Section der Kommunistischen Jugend-Internationale

Berlin, Mitte Juni 1928

Заголовок газеты «Молодая Гвардия» — центрального органа комсомола Германии

«Мы постоянно должны смотреть и на свой собственный класс и на самих себя для того, чтобы не упустить тех огромных язв, которые сидят непосредственно в нашем организме».

Н. Букрин (из речи на VIII съезде ВЛКСМ)

НА МУШКУ!

(Лицо классового врага)

ЗАПИСКИ ИВАНИКА

Рассказ И. АПЕЛЯ

Рисунки А. БРЕЯ

Под этим заголовком мы будем рассказывать в рассказах, очерках, фельетонах, заметках „лицо классового врага“ в среде молодежи и отрицательные явления в комсомоле.

Приглашаем читателей присыпать материал по этому вопросу в любой форме.

ТРИ раза был в губкоме комсомола и не застал Степу.

Мне казалось, что он поехал на село проводить районную комсомольскую конференцию. Как жаль, что его нет. Единственная моя надежда — это Степа. Он вышел в люди благодаря моему отцу. Отец, когда принял его к себе в пекарню мальчиком, вскорил его и сделал корицеником. Таким образом он стал рабочим и превратился в большого комсомольского работника. Думаю, что этим он обязан моему отцу и для меня кое-что сделает.

Пойду сегодня в губком, может быть он приехал.

На главной улице этого горохочущего города бесконечное количество людей. Многие ходят медленно, метрополитено. Большинство же с портфелями в руках спешат на работу. Их портфели полошут в утренних лучах солнца, сверкают ослепительной желтизной, у других лоснятся черным глянцем.

Легкой, неслышней поступью вхожу в губком.

В маленьких квадратных комнатах, за письменными столиками сидят энергичные на вид парни и девушки и прыжко скрывают перьями и шелестят листами...

Я сажусь на стул в первой проходной комнате против сидящего длинноносого с кроткими глазами парня. Он наклоняет кудрявую голову к письменному столику, щелкает на счетах, а его неуклюже перевязанный лиловый самовяз неизменно цепляет орешки и путает счет. Возле этого парня на стене висит узенькая серая табличка с надписью: «управдлам». На его столике неожиданно дребезжит телефон. Он снимает трубку и тоненьким сладеньким голосом начинает разговаривать. Оказывается звонил Степа. Хмельная радость сковывает меня. Я подтягиваю свою рубаху, поправляю фуражку. Какая приятная весть. Изумительно...

Эх, черт возьми, почему я радуюсь? Что за вадор! Неужели он мне сделает то, что мне нужно? Он мне — брат, родственник? Что он может сделать? Меня наверно вытолкнет и злобно крикнет:

— Вон отсюда! Что здесь тебе надо в нашем комсомоле. Твой отец меня эксплуатировал, а ты еще сюда лезешь...

Неужели он это может сказать? Все-таки мы старые друзья. Я думаю, он не так глуп, чтобы мне это сказать. Он член губкома, а в губкоме не глупые парни сидят. И кто бы к нам ни приходил, они хорошо принимают...

При этой одной мысли я радостно вздрагиваю и начиняю опрокидывать свой стул. Я тихо поднимаю его, а в голове невозможно копошатся мысли.

— Что будет? Как он меня примет? Вероятно он со мнойだけ разговаривать не захочет. Ведь он член губкома, — какой позор будет для меня, если он не захочет разговаривать. Может быть уйти отсюда? Лучше пойти куда-нибудь и без него устроиться на работу. А то он еще постараешься, чтобы

меня из комсомола выбросили. Расскажет, что я сын непмана, спекулянта. Ведь он член губкома...

— Эх, кажется, следут уйти. Впрочем, нет! Риск — благородное дело...

Минуты тянутся томительно и нудно. Я прикладываю правую ладонь ко лбу и снова погружаюсь в тяжелое раздумье. Знакомый звонок, как медь, голос внезапно разбивает мое раздумье. Я поднимая голову и пристально взглядаю на статного коренастого парня в бархатной толстовке и в желтых остроносых ботинках, стоящего возле управделами. Он слегка покачивает головой и ударяет жестким портфелем по колену, разговаривает с управделами. Потом поворачивает ко мне округлое небритое лицо, удивленно смотрит на меня и отворачивается. Очевидно, не узнает.

Он ужасно изменился. Какое дерзкое лицо. Вот как меняются люди. Нужно подойти к нему. У меня дрожь бежит по телу. Как хочется, чтобы он скорее освободился. Подойду теперь же. Нет, неудобно, пусть освободится. Наконец-то разговор окончился. Я смущенно подхожу к парню и боязливо протягиваю дрожащую руку.

— Здравствуй, Степа!

Он сердитоглядит:

— А, в чем дело?

— Я... я... — голос у меня также сделался дрожащим, — я тебе, Степан.

Он, недоумевая, снова спрашивает:

— Откуда ты меня знаешь?

— Степа, Степа, — у меня от волнения рассыпаются мысли, теряюсь и не знаю, что сказать. Потом внезапно вырывается фраза:

— Степан, неужели не узнаешь?

— Подожди, — удивленно озирает он меня, — подожди, знакомое лицо. Как твоя фамилия?

— Иваныч, Игорь.

— А-а, Иваныч, — недоверчиво кивает головой и сердито вопрошает:

— Как ты сюда попал?

Я не ошибся в своих прелестях. Вот как он благодарит моего отца. Но мне больше некуда ити.

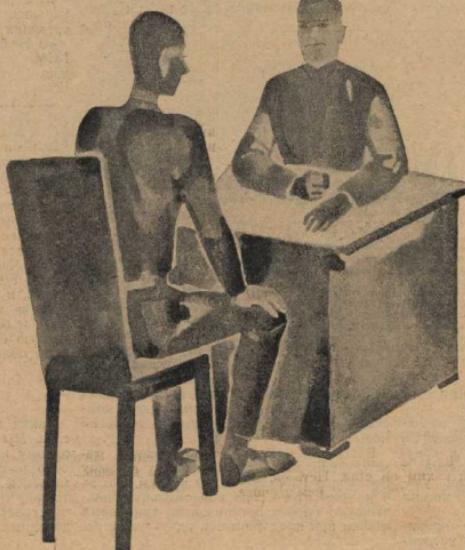
Все смотрят на нас. Удивляются такой встрече. Все они вероятно знают Степана, как хорошего товарища, и вдруг такое неожиданное отношение его человечку...

Небольшая комната Степы заполнена двумя столиками и тремя стульями. Пол расписан черными и красными пятнами чернил, Степа кладет на стол портфель, усаживает рядом с собой, пристально глядящий в мое исхудалое лицо и ровным басистым голосом переспрашивает:

— Как ты сюда попал? Кто тебе сказал, что я здесь работаю?

— Как? Ясно, Степа, сел в поезд и приехал. О тебе я узнал у Володи, что ты здесь работашь, а Володя передала Вали. Поэтому я сюда и приехал.

— Что значит поэтому?

Степа пристально глядит в мое исхудалое лицо

— Очень просто, приехал посмотреть город — И спрашивал сам: — Степа, а что делает Валя?..

— Валя работает на текстильной фабрике. Я с ней разговаривал.

— Что ты, что ты? — удивляюсь.

— Ничего удивительного нет.

— Да, Степа, — продолжал я, — я тебя не узнал. Ты стал здоровым и интересным. У тебя какой-то европейский вид. Я бы никогда не сказал, что ты был рабочим. Как люди предрекают.

— Ну тебя, Игорь, — злится он, — ты брось, пожалуйста, этот разговор, а ты мне лучше ответь на следующие вопросы: зачем ты сюда приехал и что ты здесь думаешь делать?

В комнату покорно входит управляделями и перебивает наш разговор:

— Степа, — наклоняется управляделями голову, самодовольно поглядывая на правый отворот своего пиджака и на приколотые к нему треугольники «КИМ» и значок «Десятилетие Октября», — завтра на бирю твой отчет о конференции. Урченко просил тебе передать, что ты подготовился.

— Хорошо, — отвечает Степа, — у меня все готово.

Управляделями моргает ресницами, опускает левую руку в карман и ласково воскликнет:

— Степа, «Золотых» хочешь?

— Так и быть, давай.

Управляделями вытаскивает и раскрывает синюю четырехугольную коробку «Золотых», осторожно преподнося ее Степе:

— А вы не курите? — обращается он ко мне, заранее закрывая коробку.

— Нет, — отвечая я и обиженно смотрю на уходящего управляделями.

— Ну, чорт возьми, удивительно, — тороплюсь я заговорить первыми и смотрю на дерзкое лицо Степы, — как ты изменился в хорошую сторону...

— Елки зеленые, — перебрасывает он меня, — Игорь, ты отвечаешь мне на мои вопросы, и брось свои старые шутки, иначе я не буду с тобой разговаривать...

— Степа! Слушай, Степа, я приехал сюда, чтобы где-нибудь устроиться! Ты не думай, и теперь не такой, каким был раньше. Я от своего отца отказался, ты мне можешь поверить...

Тебе вообще верить нельзя. Я хорошо помню, как ты любишь правду говорить. Я вот что советую: поезжай назад домой.

— Степа, мне не к кому ехать. У меня нет родителей, потому что я комсомолец...

— Как это комсомолец? — недоумменно всхлипывает он.

— Очень просто: два года назад, когда я отказалась от своего отца, я устроился на работу в исполнкоме и вступил в комсомол. Недавно меня скратили, и я решил приехать сюда. Ты мне поверь, Степа, я во всех отношениях исправился.

— Что ты здесь думаешь делать? — спрашиваю и чуть жалостливо глядят он на меня. — У тебя разве есть специальность?

— А как же — есть: я работал регистратором в исполнкоме, руководила школой полиграфии и все такое...

— Что ж, можно будет подумать, — помолчав и как бы взвесив свои слова, замечает Степа, — но предупреждаю, Игорь, если что-нибудь замечу, тогда...

— Что ты, Степа, — перебиваю я его, — неужели ты мне не веришь? Я во всех своих действиях стал примерным.

По-моему, что-нибудь путное из этого выйдет — он ко мне все-таки не плохо отнесся. Чорт возьми, может быть, он хотел показаться, что вот, мол, каким он стал. Нет, он, кажется, не такой... У меня теперь складывается о нем лучшее мнение.

— Игорь, — громко произносит Степа, — ты сегодня приходи ко мне в общежитие Ленина, 62, мы там поговорим, а сейчас уже три часа, и мне надо ехать на заседание. Ну, пока...

Он торопливо встает, берет портфель и быстро выходит...

Уже больше недели, как в губкоме идет спешная и энергичная подготовка к губернской конференции. Я залез на рабочий, ежеминутно приходится бегать с поручениями. Сейчас в Калининском районе мне необходимо отнести секретные пакеты. Я хорошо ознакомился с этим огромным южным городом и теперь не буду блуждать. За мое короткое пребывание в губкоме со многими познакомился, и некоторые из губкомовцев и райкомовцев стали ко мне хорошо относиться. Все же отношение недостаточное. Если я занимал бы должность немножко высшую, — хотя бы завучстата (при мо-

С неослабевающим интересом читаю...

их знаний и умений не только такую должность занимать, и повышающие), — тогда ко мне все отнеслись бы куда лучше.

Комсомольцы и комсомолки, когда приходят сюда, вероятно думают, что я большой губкомовский работник. Ерунда, я не впадаю в уныние, всегда начинаю снизу и постепенно иду вверх. А все-таки надо сделать так, чтобы они не замечали, что я работаю курьером. Для этого курьерскую книжку нужно заменить портфелем. На последние гропши куплю портфель такой, как у Степы...

Подхожу к окну и просматриваю серую разносную книгу. Неожиданно, величественно вытигнув голову, входит управляделями. Он аккуратно снимает синий пиджак, поправляет самовяз, одеваясь меня беззглазым взглядом и властно замечает:

— Иванчик, пора отнести пакеты. Что ты возишься?

— Сейчас отнесу.

— Почему же не отнес уже? — настаивает он. — Ты что курьер или не курьер?

Парни проходят мимо, останавливаются, любопытно прислушиваются к нашему спору. Как стыдно — от моей команды. Эта скользкая стала в губкоме хозяйствничать потому, что все завотделы и также Степа поехали проводить районные конференции. Ничего, я, в этой дряни покажу. Терпи, казак, атаманом будешь...

Иду по шумной улице в райком. Дома высокие и низкие выстроились неряшливо и сумрачно. Некоторые гордо глядят своими разукрашенными фасадами. Какие красивые дома! А ветер завывает, каруселью кружит известковую пыль и слепит глаза...

Скоро райком. Как бы сделать, чтобы там не знали, что я курьер. Ведь в райкоме бывают ребята из моих ячеек. Если они узнают, что я курьер, они меня выдигать не будут. Неважно, устрою так... Только один занявшийся будет знать об этом, а остальные нет. К остальному буду горделиво подходить, привлекать их внимание к моему портфелю и вести беседу о предстоящей конференции и о работе...

— Да, — вспоминаю я, — для того, чтобы разговаривать с райкомовцами о работе губкома, необходимо познакомиться с бумагами, которые я им разнозу. Стоит ли? В чем дело, почему не стоит?..

Я приподнимаю голову, смотрю на недалеко раскинувшийся садик, устланый зелеными полотнищами травы. С не-

которой робостью, сковывающей меня, вхожу в садик и сажусь на исцарапанную скамью. С опаской оглядываюсь по сторонам и осторожно вынимаю из портфеля белый конверт с круглым, синим пятном печати.

Подолом рукачики я тщательно вытираю пальцы, чтоб не оставить на конверте или на бумагах следов. Осторожно расклеиваю конверт и вынимают восемь липацких листков, покрытых ровными синими линейками строчек. На первых двух отпечатан ориентировочный список членов губкома, которые должны быть избраны на предстоящей конференции. Быстро прошу по ним глазами, нахожу фамилию Степана, секретаря губкома Урченко и других знакомых. Ищу фамилию управлявших — его нет. Чорт возьми, а я думал, что он член губкома. Эх, как мне стало приятно и легко, будтобросил с плеч пятнистый груз.

Теперь мне его бояться нечего!

Кроме ориентировочных списков просматриваю протоколы заседаний бюро губкома. С неслабающим интересом читаю отчет Степана о проведенной им конференции. Стено необыкновенно высок. Его усиленно хвалят.

Однако я, кажется, засиделся! В райкоме меня ждут. Списки должны быть разданы по ячейкам для обсуждения. Надо торопиться...

Вхожу в парадное Калининского райкома. Из комнат несутся задорные голоса комсомольцев, звонкий смех и запах табачного дыма. Две длинные и узкие, как коридор, комнаты запружены парнями и девушками. Они еще одеты в синие и серые замасленные блузы. Это текстиль заводских ячеек, они пришли сюда в обеденный перерыв за циркулярами, директивами, извещениями.

Ребята синим обручем окружили сидящего за письменным столиком широкоплечего с маленькими добрыми лицами и с всплескоченной шевелюрой завинформиста. Я надменно подхожу к нему:

— На, пакет, — торопливо и незаметно кладу ему на столик конверт, поворачиваюсь и тут же замечаю девушку в красной кофточке и синем платье. Это — Валя. Мгновенно избираю тактику и проходя мимо, умышленно толкаю Валю.

— Слушай, — вскрикивает она, угрюмо приподнимая желтые брови, — слушай, чего толкаешься, а еще с портфелем. Ишь какой... Слушай, — она резко меняет тон, смотрит в упор на мое лицо и радостно хватает мои руки. — Игорь? Не узнала тебя. Игорь, честное слово не узнала.

О „ФИЛОНСТВЕ“ И „ФИЛОНАХ“

(Письмо из Киева)

СРЕДИ молодежи есть немало новых водят красоту: утюжат брюки, а вечером — карточки, живут в тесных, но чистых комнатах. Им не страшно после восемьчасовой работы у станка сидеть с книгой в библиотеке или над чертежом на рабфаке. Эти люди чутки и внимательны к своим товарищам, они дорожат силой коллектива и именем комсомольца. Это — каменщики культурной революции...

Но рядом с этими простыми ребятами, под одной и той же заводской крышей, в одинаковых домиках живет и иная молодежь, жизнь которой течет совсем по другому руслу, без контроля коллектива.

Совсем другие поварадки, привычки, мысли и поступки. Они вечно разглаголствуют на бытовые темы, о женщинах, о «половой проблеме», они «состыт» до мозга костей поклонники «красоты», а просто говорят — «охотники за девушками». Имя им — «филоны», — так окрестили их в Ленинграде.

«Филонство» — опасное видоизменение пижонства — сило себе просторное гнездышко в наших рабочих окраинках.

Устав и программа «филона» требуют от ребят умения использовать десяток девушки, знать различные подходы к ним (даже к проституткам), шиковать и быть верными культу «пары плава».

Филоны любят «часто болеть» и отпускают для них — «божьи благодати в царстве земном». При дневном свете они на-

— Ах, чорт возьми, Валя, — тоже пожимаю ей руку, — здравствуй! Ты легка на помине... Я тебя недавно в разговоре со Степаном вспоминал. Здравствуй...

И отхожу с ней к дверям.

У нас в городе Валя была очень активной комсомолкой. Мое знакомство с ней состоялось в горкобудке комсомола. Я часто проводил с ней вечера и чувствовал, что она мною интересовалась. Но через некоторое время как-то случилось так, что я долго Валю не видел и уже со стороны узнал, что она уехала в губернию и вышла замуж за Степана.

— Игорь, — предлагает она мне вопрос Степы, сверкая молочными белками, — как ты скода попал?

— Очень просто, командирован сюда на работу в губком.

— Что ты говоришь, Игорь! Молодец! Я тебе говорила, что мог бы стать полезным человеком, если бы бросил своего отца. Ты его, наверно, бросил?

— Да, я отказался от своего отца.

— Ну, как ты живешь, Игорь, в качестве кого работаешь?

— Живу неплохо, работаю пока завучом губкома, а после губконференции буду по всей вероятности инструктором губкома.

— Молодец, Игорь!

— А как ты живешь, Валя?

— Работаю на текстильной фабрике ткачихой. По комсомольской линии выполню нагрузку вожатой пионер-отряда. Сейчас я на сопрастрае. Живу одна, со Степаном я уже развелась.

— Не может быть, Валя.

— Вот, Игорь, развелась.

— Да, Валя, — вздыхаю я, — ты меня извини, но я, к сожалению, не могу дальше задерживаться. Ты извини меня, Валя, — я и противоядия ей руку. — Я должен спешить в губком. Ну, Валичка, пока до свидания. Приходи ко мне в губком.

— Хорошо, Игорь, я приду, — и она нежно пожимает мне руку.

Как хорошо, что я встретил Валю. Я все время мечтал ее встретить. Прекрасно, что она развелась со Степаном. Она все-таки, чорт возьми, моя прежняя любовь. Надо возобновить старое.

Я вскидываю глаза, гляжу на ровную нескончаемую улицу, наполненную трамваями, автомобилями, и быстро шагаю в губком.

Имя им — «филоны»

«героев» заключается в их изящном костюме (лучше, когда их имеется не сколько, для «перемены декораций!»), ослепительном галстуке, модных полуобтягивающих труниках. В запасе у них всегда обновленный репертуар сальных анекдотов, блокноты со статистикой девушек. Из циничного идеала прост: «Женщина — необходимая закуска при вышивке».

Многие школьники и даже пионеры очарованы «филонами», наиболее известным из них подражают, с упоением пересказывают приключения этих «любимых героев».

Филоны разных окраин — вечные врачи, потому что «на случай» им приходится брать с собой «перо» (финский нож), «зубочистку» (перчатка) и пр.

Атмосфера для «филонов» в рабочих окрестах — благоприятная, там располагаются группами кабинки, на одном углу «Македония», на другом — бесплатный «Ласточка». Здесь ребята в кредит — до получки — берут крепкие напитки.

С нетерпением ждут «филона» получку, чтобы «бузнути» в центральных ресторанах: в «Люкс», в «Грузин», или поиграть в ruletku, где «рубль поставил, два возвратил».

В такой атмосфере создаются наши Лысковские, Коротенковы, Буши, Рыбаки и прочие «герои».

С «филоноством» мало борются, «филоны» это чувствуют и особенно в летний сезон во-всю развивают свою деятельность.

А. Синицкий

В горах Юго-Осетии

Очерк второй¹

П. ТИФЛИССКОГО

ВОЖАТЫЙ СЕМЬИ

ПОСЛЕ комсомольского собрания в селении Зонкари, парень в рабочей кепке, с провинциальными глазами — воожатый пионер-отряда — привлек нас к себе домой. Мы втроем — он, мой спутник и я — поднимались вверх по ледяной тропинке, к его дому. Хозяин опережал нас, очевидно, был рад гостям. Через пять минут мы были «во дворе», но, признаться, даже подобия двора я не увидел: ни плетней, ни забора, ни тыны, абсолютно ничего.

Нас проглотила черная пасть сакли. Внутренняя обстановка очень бедна. Двери, окна, потолок и стены словно вымазаны изнутри — все это закончено сажей из очага. Я заговорил с молодежью. Хозяйка, старуха лет 60, стояла у стола с гордым сознанием своего достоинства. Не знаю: или она хотела показать, что она хозяйка дома, или же просто хотела принять гостей и обиделась, что начали говорить не с ней. Вскоре на столе появились обычные осетинские угожения.

Принявшийся за еду, я мелькомглянул на краю стола: там лежала стопка книжно-литературного, история комсомола и др. Эти книги удивляли и радовали в обстановке сакли.

Семья Майора, так звали нашего хозяина, состоит из 10 душ. Пять братьев, из них один — в Красной армии. Отца нет. Весь их земельный надел выращивается в $\frac{1}{4}$ гектара земли. Из-за нехватки земли они мечтают переселиться в Терскую область. А пока подрабатывают на лесных промыслах, уходят на заработки в город и пр.

Спрашивавшо:

— Нет ли у вас в семье каких-нибудь сссор, ругани?

Старуха улыбается и отвечает:

— В нашей семье крепкая дружба. А кто будет спорить и ссориться, того мы выселим из дома.

ПЕРВЫЕ ОКОШКИ

Но на самом деле в семье не все было ладно. Майору пришлоось повоевать как следует. «Культурную революцию» в своей семье он осуществлял практически с боем. Двадцать тридцать лет в сакле дымили очаг.

Сажа красила, словно краскою, всю комнату, ее была покрыта вся утварь, ою же дышали. И люди привыкли к этому, как к вполне естественному. Майор настоял на своем: очаг был разрушен, а вместо него появилась железная печка.

Сам Майор рассказывал нам, поблескивая глазами:

— У нас в доме также не было окон, жили в темноте. Я, как комсомолец, заставил пробить в доме окна. Теперь у нас три окна и светло.

Это он говорит с гордостью, потом мечтательно добавляет:

— По хозяйствству я стараюсь улучшить скот. Есть у меня одно желание: построить настоящий дом, в котором можно было бы жить разумному человеку.

Советы Майора вызывают в семье ссоры, но в большинстве случаев с ним соглашаются, и Майор постепенно переворачивает семейный быт.

Разглядев внимательнее комнату, я заметил на стенах — в левом восточном углу — куки ватах. В этом углу, по поверью, живет «хозяин» того места, где построен дом. Дома молится одна старуха. Остальные — нет. О комсомоле старуха говорит:

— Комсомол хороши. Если б он был плох, в него бы никто не записывался; он делает полезное дело: комсомольцы становятся культурными. На сына я раньше скрчала, что он не молится Богу, а теперь уже нет. Майор молодец: раньше очаг у нас дымил, выедал глаза, а теперь, когда печка — стало совсем хорошо.

Старуха говорила, а у стола стояли невестки и довольно искусно вязали из нескольких ниток, намотанных на пальцы, носки (циница).

— Плохо, — продолжала хозяйка дома, — товары теперь дорогие, а раньше были очень дешевые. Бедные мы. Когда убегали от меньшевиков, то они разграбили все.

О меньшевистском владычестве вспоминают везде с презрением и враждой. Кровавый раштар — Валико Джугели, предавший «огню и мечу» горныеущелья, долго не будет забыт. Кре-

стяне с ужасом рассказывают о тех днях, когда вся страна бежала через хребет, на север, чтобы спастись от меньшевистских ужасов.

Из дома нас провожают вся семья. У крыльца дома толпа: комсомольцы и пионеры. На прощание фотографируют их. Все замерли, как изваяния. Многие никогда не видели фотоаппарата. В это село он никогда не попадал.

Прощаемся с комсомольцами. Смотрят на нас радостно и как будто грустно, очевидно, хотят, чтобы гости еще побывали. Сжимают крепко руки и приглашают нас заехать еще когда-нибудь. Мы уже вышли за село, а они все еще машали папашами. Майор крепко скрупал руку и, внимательно посмотрев на меня, сказал:

— Учиться очень хочу. В прошлом году не удалось, не было командировок. В этом году готовлюсь, хочу поступить.

За спиной оглядываюсь: в стороне лай собак и дымки привлекательных домиков. Грузин по колени в снежной макоти и выдахи чудеснейший воздух. Солнце от снега слепит глаза. Через рутины, через потоки, через обрывы движемся вперед. Зелеными конусами машут сосновы. Оранжевые панкаки кидают перелески.

ВСТРЕЧИ

По дороге в селение Сотикар мои спутники, опередившие меня, византийски остановились. Подсаживаю к ним и замечаю на обочине дороги невысокую, лет восемнадцати девочку. Чёрные стриженные волосы, синяя блузка и шоколадного цвета пальто. Эта девушка и есть предпионер-бюро в районе. Она повидимому очень устала. Туфли ее размыкли в грязи. Она возвращалась из соседнего колхоза, где проводила беседу о посевной кампании.

Глядя на миниатюрную хрупкую внешность этой девушки, я понял, сколько романтики и героизма скрыто в наших буднях.

В районе всего 530 пионеров, организованных в 18 колхозах. Колхозы разбросаны от района за 25—30 километров. Пока обойдешь пешком — без ног останешься. Одни работники. Получает он за свою работу 15 рублей в месяц. Говорят о себе и работе:

— Общественную работу и очень люблю. У нас много недостатков: пионеры ходят обворованные, неграмотные... Иногда родители не пускают детей в колхозы. Нашли пионеры завидуют городским: у них есть клубы, одежда, бараны, а у нас нет ничего.

¹ Очерк первый см. в «Смене» № 19.

Горская молодежь при входе на сеанс кино-переводчика.

Прощаемся, едем дальше. У развалин церкви ребята останавливают лошадей. Входим внутрь. Осмотриваем алтарь: кругом висят битые кресты, лики святых, согнутые панихида. На полу следы иши, здесь привносят жертвы. Как-то с трудом веришь этому. На стенах, очевидно попом, в алтаре написано: «1916 года 15 мая, прощано на 40 руб. овец и 7 рублей мяса». Написано по всем правилам: даже ять на своем месте.

Какое-то странное ощущение охватывает тебя. С одной стороны, новое, яркое, смелое, с другой стороны — родовой быт, языческие обряды церкви.

Попов в церкви нет почти никогда: население спрашивает службы само, а потом ездят баранов, пьют араку и веселятся. Этот обычай еще крепко сидит в сердцах у стариков. Но молодежь смеется, она не может с этим примириться.

Выходим из церкви. Потянуло морозцем. Впереди в селах мелькают огоньки, словно светляки в лесу.

ДЕВИЧЬЯ ЯЧЕЙКА

В Джаве — одном из более или менее культурных районов Юго-Осетии — едва мы успели бросить поварья наших лошадей и войти в домик, комсомольская ячейка была уже в сборе. Бросилось в глаза то, что девушки вдвое больше, чем ребята.

В Джавской ячейке 28 человек, из них девушки 15.

Собрались в школе, с выбитыми окнами. Затопили печку, дым полез в глаза, а затем потянулся к окнам. Председательствует высокий «дядя» комсомолец-переросток, с бородкой и усами. Вопросов много: устройство маевки, превращение посеваками, помощь вдовам и беднякам и др.

Первой в прениях выступила девушка. Удивительно бедовые, энергичные здесь комсомолки. Жестонкурируют, размахивают и стучат руками. Обычно девчата (взять городские ячейки) молчат, слушают; если какая скажет одно слово в год, и то хорошо — я был поражен, так много выступало девчат, и очень дельно выступали, а парни оставались в тени, говорили совсем мало.

В тот момент, когда происходили выборы членов для громкого чтения неграмотных, в окно вбежал властел петух и кричит свое «ку-ка-ре-ку». В ответ раздается дружный хохот всей ячейки.

В ДНИ КУЛЬТУРНОГО ПОХОДА. Комсомолцы распространяют среди крестьян литературу по уходу за детьми

Особенно много споров вызывает вопрос о проведении 1 мая. Ячейка готовилась вместе с беспартийной молодежью поставить спектакль, устроить митинг и маевку.

Взрослые крестьяне обычно в этот день устраивают пиры, на которых пьют почек зря, тратя на это большие средства.

Встает черноглазая комсомолка:

— Я предлагаю каждому члену ячейки принести по чашке пшеницы, а мы, девушки, сделаем солод для пива...

Выступает другая:

— Нужно отвлечь молодежь от пьянства. Немного пива у нас будет принадлежать. Мы же главным образом должны обратить внимание на спектакль и митинг.

Правильно, правильно, — кричат все. Шум, гвалт, склок. Словно горный поток, шумит вокруг...

Так шумели, так спорили, что бородатый комсомолец долго не мог их уговорить.

Уже в сумерках закончилось собрание. А потом сбились все в кучу, чтобы рассказать о своих нуждах, работе, желаниях.

Джавская ячейка, по наблюдениям и по мнению обкома, одна из самых активных. Ребята выпускают газету «Прия-дия дорога». Грамотные члены ячейки обуют неграмотных. В селе есть театр, в нем запрещают комсомольцев.

Ребята наперебой говорят о своей будничной работе. У ребят есть свои мечты, но мечты не маниловские, а вполне конкретные, жизненные.

Радио у нас было, да испорчено. Уже год не действует. Обязательно надо починить.

— Кино нам нужно. Ах, если бы кино было у нас...

— Машина сельскохозяйственных: сейлок, молотилок у нас мало...

— Надо нашей ячейке гармошку и футболь...

Джавские комсомольцы помогают бедникам и вдовам. Во многих местах привели в порядок родники, исправили мосты.

Жалуются: нет клуба, негде развернуть культурно-просветительную работу. Из-за работы плохо.

Но не хандрият, бодрости не теряют, твердо надеются на себя и на свои руки.

ВЕРХОМ ПО УШЕЛЮ

... Возвращаемся в Цхинвал. Чавкают коньки коней. Шумят весенние воды, льются прекрасные мелодии в рокоте вод. Владелец сверкает с вершиной горного потока, похожий издалека на разиннувшую ветром гриву лошади.

Мой спутник мурлычет стихи о горах и говорит мне:

— Когда я бываю в степи, вдали от гор, на меня находит тоска. Я без гор мучалась, я без них страдаю. Я без гор, словно лить без матери. Честное слово!

Но я ему поверил и без боязни. Я понимал этот своеобразный патриотизм, эту власть гор над человеком.

ШУТКИ

Очерк

ВИДЕЛИ ли вы когда-нибудь, чтобы обыкновенное куриное яйцо становилось настолько твердым, что его не под силу разбить молотком? Или чтобы сырое мясо можно было обухом топора истолочь в порошок. Или, наконец, чтобы добродорогичная кепка ударом тросточки разбивалась на мелкие кусочки, и за минуту до этого пахнущий цветок гвоздики, упав на пол, растрескивался бы, как уроненное хрупкое стеклянное бледечко? Короче говоря, видели ли вы когда-нибудь жидкий в яйцах?

Уже десятки лет люди пытались охладить воздуха превратить его в жидкость так же, как превращается пар в воду. Пытались, но ничего не достигали: охлажденный до самой низкой температуры, которая только была в те времена в распоряжении ученых, воздух попрежнему оставался воздухом, пока не пришел на помощь сам воздух, пока не было замечено, что он разрез повышает свою температуру, когда его сжимают, и, наоборот, охлаждается при быстром расширении.

МАШИНА ДЛЯ ОЖИЖЕНИЯ ВОЗДУХА
Чтобы понять устройство самой простой машины для оживления воздуха (машинки Линде, 1896 г.), приглядитесь внимательно к нашему рисунку на сл. стр.

Через отверстие A накачивают воздух в трубку АБВ. Эта трубка около D охлаждается другой более широкой трубкой ДЕЖ. Эти входящие одна в другую трубки очень длинны (около 100 метров), и чтобы они не занимали места, их сворачивают спиралью и помещают в особый кожух. Для ясности на рисунке (см. сл. стр.) эта двойная спираль изображена в разрезе. На конце трубы АБВ снабжена краном Р, открывающимся в резервуар Т.

Работает эта машина таким образом. Сначала при закрытом кране Р сжимают воздух в трубке до 200 атмосфер, затем сразу открывают кран Р, давление уменьшается в 10 раз, и воздух за поливает резервуар Т и широкую охлаждающую трубку ДЕЖ.

Вследствие своего расширения воздух сильно охлаждается, и насос К перекачивает его при помощи поршней I и З в трубку Л и опять в узкую трубку ВВД, где он снова сжимается до 200 атмосфер и снова продлевает свое прежнее путешествие.

С каждой новой своей «круговой прогулкой» воздух охлаждается все больше и больше, потому что он дополнительного охлаждается окружающей его широкой трубкой с холодным воздухом, и, наконец, минут через 10—15 после начала всей операции из крана Р в резервуар Т стекает жидкий воздух. Такой принцип оживления воздуха. В настоящее время на практике машина Клоди (1902 г.) несколько сложнее и совершеннее. В ней воздух раньше, чем превратиться в жидкость, проходит сперва через очистительные приборы, а затем попадает в особый поршневой двигатель, который в свою очередь вращает динамо-машину, вырабатывающую электрический ток. Этую работу составляют выполнить воздух потому лишь, что было замечено, что воздух охлаждается энергичнее, если он при своем

ЖИДКОГО ВОЗДУХА

Л. ЛОПАТИНА

Аэростаты перед полетом наполняются гелием.

расширении совершает какую-нибудь работу.

Благодаря всем этим усовершенствованиям удалось настолько повысить общую мощность машины, что во Франции, например, во время войны машины Клода давали несколько миллионов кубических метров жидкого воздуха в день.

ЗАБАВНЫЕ ШУТКИ ЖИДКОГО ВОЗДУХА

Жидкий воздух изумителен по своим совершенствам с первого взгляда свойствам. Но они становятся простыми и понятными, как только мы вспомним, что ведь жидкий воздух обладает очень низкой температурой¹ по сравнению с которой температура окружавшего нас воздуха то же, что температура льда и жар раскаленной печи.

Вот почему жидкий воздух², попав на поверхность стола, кинет и шариками

¹ Температура жидкого воздуха 194 градуса ниже нуля в Цельсии.

² По внешнему виду он—бледно-голубоватая прозрачная жидкость, имеющая почти одинаковый с водой вес.

Надо сказать, что плотность жидкого воздуха в 800 раз больше плотности обыкновенного, атмосферного воздуха. Это значит, что 1 куб. сантиметр жидкого воздуха, превратившись в обычный воздух, займет 800 куб. сантиметров. Не удивительно поэтому, что эти превращения происходят быстро, то расширяющийся жидкий воздух смешет все на своем пути, произведя сильный взрыв.

Приготовление патронов жидкого воздуха очень не сложно. Бумажные гильзы, вставленные в макинки из отрубей, пропитанных керосином, и помещающие их в жидкий воздух. Как только гильзы пропитаются им, их быстро кладут туда, где нужен взрыв, и зажигают посредством электрической искры. Жидкий воздух мгновенно расширяется, и происходит взрыв.

Взрывы жидким воздухом особенно распространены при строительных работах, и между прочим, они получили широкое распространение у нас на Днепропетровске. Недавно, например, жидкий воздух разбрзгал в мелкие части громадную скалу «Богатырь», камень которой предназначен для строительных работ.

РАЗЛОЖЕНИЕ ЖИДКОГО ВОЗДУХА

Надо сказать, что изобретательский талант Клода не дал ему остановиться на полу пути. Вслед за изобретением машины для охлаждения воздуха он разработал способ разделения жидкого воздуха на составные части. Как известно, воздух является смесью различных газов. В состав его входит главным образом азот (около 80%) и кислород, затем так называемые «благородные» газы: неон, аргон и гелий.

Чрезвычайно остроумно придуманный прибор Клода позволяет ему

скатываться на пол, как вода с раскаленной плиты, а затем стелится по полу белым туманом.

Воздух, налитый в чайник, поставленный на кусок льда, быстро закипает; для него лед играет ту же роль, что примус для воды.

Вещества, погруженные в жидкий воздух, очень интересно меняют свои свойства. Примеры этого мы уже приводили вначале, вот еще не менее любопытные: чистый спирт при температуре жидкого воздуха сначала делается глицином, в роде глицерина, а затем затвердевает, а ртуть там замораживается, что ее можно забивать гвозди.

ВЗРЫВ «БОГАТЫРЯ» НА ДНЕПРОСТРОЕ

Ясно, что вовсе не для этих интересных и забавных шуток важно получение жидкого воздуха: его открытие имеет громадное значение для современной техники.

Прежде всего жидким воздухом пользуются, как взрывчатым веществом.

разделять жидкий воздух на составные части автоматически в самом стуслите. Открытия краины с надписью «кислород», «газы» и т. д., мы можем наливать той или иной жидкости, как наливаем в бане горячую или холодную воду.

ЖИДКИЙ ВОЗДУХ И ТЕХНИКА

Возможность быстро и в большом количестве получать охлажденные газы имеет огромное значение в связи с тем, что применение их в промышленности за последние времена чрезвычайно растет.

Перечислим наиболее важные применения в технике газов, входящих в состав воздуха. Эти применения стали возможны только после получения жидкого воздуха.

Кислород применяется для так называемой «автоматической» сварки и резки металлов, которая сейчас приобретает громадное значение в металлургии. Для спасательных целей жидкий кислород нашел применение в пожарном и горном деле.

Пожарный, который должен проникнуть в наполненное дымом помещение, снабжается небольшим ранцем, содержащим стальную бутылку с 50—100 литрами жидкого кислорода. Из бутылки кислород, испаряющийся в виде газа, по трубе поступает в герметически закрытый шлем, одетый на голову пожарного. Выдыхаемая им углекислота поглощается водным раствором едкого кали.

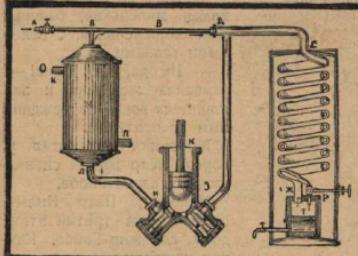
В рудниках, где скапливаются много вредных газов и где спасательные работы продолжаются более долгое время, указанное применение является наиболее ценным.

Воздухоплаватель также запасается кислородом, которым он пользуется, когда попадает в высокие слои атмосферы, где воздух разрежен и доставляет легким недостаточное количество кислорода. Порою вдохоз и говорят ничего.

А это имеет бесконечное применение: из него получают прежде всего «цианимид», служащий исходным продуктом для искусственных азотных удобрений; он находит широкое применение в химической и фармацевтической промышленности; является превосходным средством всюду, где требуется заменить воздух другим менее действенным, химическим газом: например, в электрических лампочках, в очищущихся, в консервной промышленности и т. д.

«Благородные» газы за последние времена приобретают тоже исключительно важное значение. Неоном и аргоном наполняют как обыкновенные электрические лампочки (подогреватели), так и те особые — «стлимерные» — лампы, где электрический ток проходит не по металлическому волокну, а прямо через газ. Этим лампам приданье им развитием техники обеспечено широкое будущее.

Уже этот беглый обзор современных технических применений жидкого воздуха говорит о том, какое он имеет громадное значение для современной и особенно для будущей техники.

Машина Линде для охлаждения воздуха (см. объяснения в тексте)

Автоматическая сварка при помощи кислорода

ИГРА В ЛЮБОВЬ

Иллюстрации
А. ДЕЙНЕКА

(ОКОНЧАНИЕ)

Содержание предыдущего. Комсомолец Саломасов сделал важное открытие в области фарфоро-фаянсовой дела. Злоумышленники пытаются продать изобретение от своего имени председателю треста Тележникову. Для обмана Тележникова группе подсыпает к нему девушку, выдающую себя за работницу Ненкову. Настоящая же Ненкова интересуется лишь нарядами и отношением к ней служащего Сафрасова. Тележников заключает договор на изобретение с лжеизобретателем Габбе. Ненкова покушается на самоубийство из-за пропавшего шелкового костюма. Тележников узнает об обмане и передает дело в суд.

ТОТЧАС же Гарри было сообщено шел вслед за ним и сообщил, что о том, что его присутствие необходимо в кантоне и что уже с час ожидает его мотор.

Саломасову показалось, что Гарри уменьшился в росте и вдруг похудел. Дрожащими руками напрягил Гарри на голову кепку.

— Слушай, — сказал он, пытаясь в последний раз уцепиться за приятеля, — слушай, пойдем вместе. Ты скажи что-нибудь, скажи, что все не-правда и никакой докладной ты мне не давал...

Он явно пугался и плохо понимал, что говорил. Саломасов тихонько взял лич. его за плечи и выпроводил из комнаты.

11. НЕНОТОРЬЕ ПОДРОБНОСТИ

Посланный не возвращался. Петр Нильч изволованно расхаживал по кабинету.

Шумейко принес отношение губернскому прокурору и молча положил на стол. Тележников прочел и взял перо подписать. Начальник химического отдела остановил его.

— Видите ли, Петр Нильч, может быть все-таки лучше не выходить со всей этой историей на улицу... — сказал он.

— Почему?

— Ваша репутация...

— А!

Председатель треста улынулся, подписал отношение и сказал:

— Пошлите с нарочным и на имя Кафтаникова, я с ним созвонюсь, и дело пойдет срочно.

Шумейко кивнул головой и вышел. Управдел за-

Управдел пожал плечами и не двинулся с места.

Тележников рассмеялся.

— Да не стреляться же я собираюсь! — крикнул Тележников. — Что ты остался? Хочу наведаться к мешенику и узнать от него самого то, что сказал бы этот конторщик. Ну, ну, давай живее!

Управдел принес браунинг, и Петр Нильч положил оружие в карман. Председатель посмотрел на часы, сказал: «Ну, до завтра», и, нахлобучив шляпу, спустился вниз, прыгая через ступеньку. Мотоцикл еще стоял у подъезда. Петр Нильч назвал улицу, ту самую, в которой недавно назад под руку с молодой женщиной разыгрывали убогое жилище рабочего-самоучки.

Через десять минут Петр Нильч был на месте, но в комнате, отлично им запомненной, застал он незнакомую женщину.

— Генриха Федоровича? — проворчала она в ответ на волнованный вопрос его. — Не знаю, что за комедии разыгрывают Генрих Федорович! Никогда он тут не жил и жить не собирался!

— Но я, я сам здесь у него был! — воскликнул Петр Нильч, в совершенной растерянности. — Я во что бы то ни стало должен найти его!

— Ну и найдете дома, — ответила она, — а здесь его нет. Если вы не знаете, где он живет, так я вам скажу, нечего разыгрывать комедии... Вы отправляйтесь прямо к нему!

Петр Нильч начинал понимать все больше и больше. Женщина сказала адрес и прибавила ворчливо:

— А Ниине Васильевне так и скажите, что нехорошо путать старуху в ее комедии! Тут не театр.

Петр Нильч спросил:

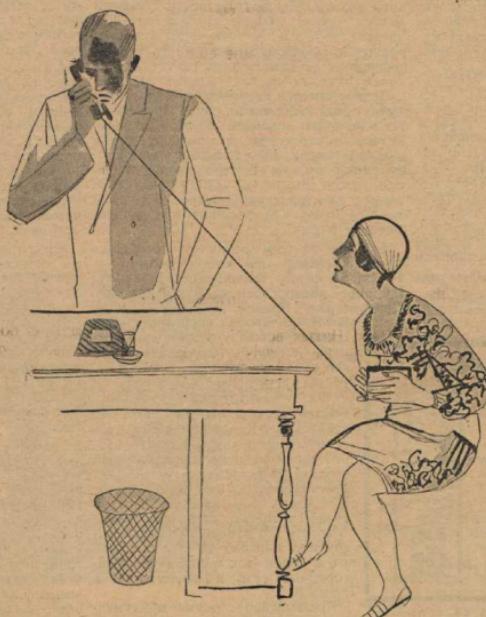
— Ниине Васильевна? Это такая миленькая, беленькая, хорошенькая, с зелеными глазами...

— Ну да, его жена! — ответила женщина и захлопнула дверь за нежданного посетителя.

Мотоцикл стрекотал у ворот. Петр Нильч сказал шофера адрес Габбе.

Наконец, Петр Нильч поднялся на третий этаж дома, где жил Габбе. Как раз из двери квартиры, которую искал Петр Нильч, выскочил молодой чело-

1 См. „Смену“ № 13—20.

Продолжал сухо и отрывисто причитать в трубку...

век с пушкими бакенбардами на бледных щеках. Петр Нильч был далек от мысли, что мимо него прокосился исчезнувший в это утро конторщик главного склада. Петр Нильч постучал и вошел в указанную ему дверь.

Габбе стоял перед круглым столиком и метал карты. Он был занят своим занятием настолько, что, крикнув... «войдите!» — не скоро оглянулся на гостя, а оглянувшись, не бросил занятия.

— А, — удивившись, но не очень, протянул он, — вы? Это называется: если Магомет с Магометом не сходится, так гора с горой сойдется. Прощу вас!

Он кинул на диванчик. Тележников сказал:

— Вы удивлены моим приходом?

— О, нет! — бросая карты, ответил тот. — Если я удивляюсь, то не тому, что вы пришли, а тому, что вы скоро пришли. Как говорит пословица...

— Давайте без пословиц! — грубо обозвал его Петр Нильч. — Мне не до шуток!..

— О? — удивился тот. — Жаль! Я люблю хорошие русские пословицы... Может быть сядем?

Петр Нильч сел, Габбе как бы приготовился слушать.

— Мне все известно, — коротко сообщил Тележников, — так что без лишних слов позвольте мне узнатъ...

— О, пожалуйста, — ответил Габбе, — мне тоже все известно. Я могу вам сказать, что вы хотите иметь от меня... Вы не желаете выходить всю эту историю на свежую воду. Мы имели маленькую игру в любовь и во всякой игре один выигрывает и один проигрывает. Вы желаете, чтобы я молчал. Так?

Петр Нильч разглядывал своего собеседника с любопытством, но совершенно спокойно. Во всем этом не было ничего, что стояло бы выше рядового мещенничества.

— Нет, я не за тем пришел, — сказал Петр Нильч. — Наоборот, я прошу вас ничего не скрывать и рассказывать все совершенно точно... Когда вас будут, конечно, спрашивать где надо! — добавил он.

— Не пугайтесь! — перебил Габбе. — Вы не будете ломать своей карьеры за пять тысяч и открывать игру в любовь на весь свет... Лучше молчать, как говорится, в лоскут. Я не боялся, что делал.

— Не трусьте и дальше, — сурово заметил Тележников и задал последний

большевик. Бытие определяет сознание! Адье!

Он раслахнул перед Тележниковым двери, и Петр Нильч вышел с поспешностью, сбежал с лестницы и приказал отвести себя домой.

Ему хотелось принять ванну и вымыться, вымыться, соскрести с себя все, что пристало за этот день.

12. НОНЕЦ ИГРЫ

Был тот не ранний час вечера, когда вдруг электричество, освобожденное от излишней нагрузки, начинает гореть ярче; соседи один за другим утихают.

Петр Нильч был дома. Не однажды в тот вечер вздрогивал он от шагов в коридоре, от стука в дверь, от звонка телефона. Разумеется, он не ждал никого. Петр Нильч старался не думать о прошедшем.

И в момент, когда мысли его были далеки от всего прошедшего, героиня последнего вошла в комнату.

Было одно короткое мгновение (оно не было замечено гостьей), когда Петр Нильч посмотрел на вошедшую с недоумением, как на человека, попавшего за чужую дверь, но затем он возвратился к действительности.

— Нина Васильевна! — со спокойным удивлением сказал он и, холодно взглянув на протянутые к нему руки, отошел к столу. Он был супор настолько, что на несколько секунд этой суворостью была смущена и женщина. Однако она быстро отрапортировалась. Актёрский темперамент помогал ей всегда в трудную минуту.

— Да, Нина Васильевна! — крикнула она. — Да, Нина Васильевна, и в этом все мое преступление? Но ведь нельзя же так судить, так скоро выносить приговор... Надо же узнать... Выслушать и обвиняемого надо...

— Я знаю достаточно, — тихо сказал Петр Нильч.

Он понимал, что нужно было отвечать с большей резкостью и решительностью, но в каждом жесте этой женщины видел он скорее прежнюю Катю, чем новую Нину Васильевну.

Она продолжала говорить:

— Ах, ты ничего не знаешь, не можешь знать. Выслушай, прежде выслушай. Все не так, все неправда, все ложь. Это началось для шутки, да, для шутки, потому что мне было скучно...

— Только от скучки? — спросил Петр Нильч с прежней суворостью. — А мешеничество?..

Она отступила от него в ужасе.

Замечательная женщина, гениальная актриса...

вопрос: — скажите мне еще, кто была эта женщина, которая...

Петру Нильчу было трудно выговорить. Габбе охотно закончил:

— Делала маленькую игру в любовь? О, это замечательная женщина, необыкновенная актриса, гениальный человек!

Габбе откинулся на спинку кресла, перечисляя достоинства своей жены. Петр Нильч грубо перебил его:

— Кто она?

— Моя жена, — ответил он, — моя жена, урожденная Сергиевская...

— А...

Петр Нильч встал.

— Не беспокойтесь, — говорил Габбе, следя за гостем к двери, — я не люблю болтать о своих делаах.

Петр Нильч оглянулся.

— И все это вы называете делами?

Габбе вдруг выпрямился и отскочил.

— Да! — крикнул он. — Да, да! Это мои дела... Вы взяли себе все другие дела, а меня, инженера, вы посадили за карточный стол добывать себе кусок хлеба... Ну и молчите вы! — кричал он, и голос его поднялся до отвратительного визга. — Вы марксист,

— Нет, нет, нет. Это он придумал, после придумали! Я только скучала... И что мне делать? Вы обратили всю нашу жизнь в какой-то великий пост, огромный пост на круглый год! И я тут отправилась побывать там, где говорят, отдаются, веселятся... И вот я встретила тебя... Разве я могла признаться? Повести бедную работницу, по чьей путевке я жила? Нет, нет! И вот... Да началось с шутки...

Петр Нильч покачал головой и сказал тихо:

— Нина Васильевна, кончайте эту отвратительную игру, кончайте!

— Игру? — воскликнула она, сжимая руки, ломая тонкие бледные пальцы, словно в тоскливом бессилии его переубедить. — Игру? Нет, мне не до игры. Он был меня, он мучил меня, он заставлял меня обманывать тебя и помогать ему в этом деле... Что я могла? Что я могу...

Она упала на диван, готовясь расплакаться. Петр Нильч сказал:

— Не лгите. Вы не ребенок... Что вам нужно? Зачем вы пришли, Нина Васильевна?

— Зачем? — Она обвела мутными взглядом стены комнаты и вновь повторила. — Зачем? Ах, оставь его... Не туби своей карьеры и спаси меня, взыщи меня от него в другую, новую жизнь! Оставь его... Не компромитируй себя, не губи своей, такой прекрасной карьеры...

Тележников усмехнулся: заботы о карьере — как это было смешно!

— Мы думаем о своем долге, а не о своей карьере, — сказал он, — ваш муж просчитался. Вы от себя пришли или от него? Опять от скучи или потому, что «она заставила»? — спросил он с угрюмой насмешкой.

Она растерялась. Петр Нильч был суров и холоден. Несколько раз пыталась она завладеть его руками, подойти к нему, взглянуть в глаза. Все это было совершенно невозможным. А между тем она не видела других средств сломить сурвость, заговорить попрежнему. Она встала и приблизилась к нему.

Петр Нильч отстранил руки женщины и с глубокой грустью взглянул на нее.

— Жена! Жена Габбе! — прорыдал он.

Она, задыхаясь от волнения, шептала:

— Он арестован, Габбе арестован. Он сказал, что если его освободят, он исчезнет навсегда отсюда. Сделай это. Я буду свободна. Милый, да сделай же из меня человека, спаси меня из этого омута, спаси...

Петр Нильч не скрывал волнения и только все более и более удивленным казался его взгляд.

Нина Васильевна продолжала шептать:

— Ну сделай, сделай, что нужно, чтобы его выпустили... Сделай, что нужно... Сделай!

Петр Нильч отстранил ее и кинул головой,

— Да, сейчас! Я сделаю все, что нужно, — сказал он, и в голосе его послышалась твердость.

Он направился к телефону. Нина Васильевна бросилась за ним.

— Милый, милый! О, как я верила в тебя. Скорей же, скорей!..

Петр Нильч взял трубку и спокойно назвал номер.

— Товарищ Филин, это я. Извини, брат, что тревожу так поздно, но дело. По тому же делу, что давеча...

Петр Нильч поднял глаза. Нина Васильевна, забывшись, приглашала ее слушать. Она улыбалась ему. Он сказал твердо:

— Извини меня, но дело серьезное. Я просил тебя срочно заняться нашим делом и арестовать одного мерзवица...

Трубка проклокотала что-то в ответ.

— Арестован? — медленнее и тверже с каждым словом продолжал Петр Нильч. — Да уже арестован, я знаю, но дело в том, что я ошибся... К сожалению, ошибся.

Нина Васильевна вздохнула. Петр Нильч смотрел на нее и продолжал сухо и отрывисто кричать в трубку:

— Да, я ошибся. Нужно арестовать, оказывается, не одного мерзвица, а двух! Да, двух!

Петр Нильч послушал и отвечал трубке:

— Да, двух: Габбе и его жену... Его жену — Нину Васильевну, адрес тот же, запиши... Обязательно. Да, да... Хорошо.

Она глядела на Петра Нильча с изумлением и страхом. Он положил трубку и опустился на стул. Нина Васильевна схватила с дивана пальто и бросилась к двери, точно спасалась от преследования.

Петр Нильч не пошевельнулся. Она взглянула на него и с силой захлопнула за собой дверь.

13. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло порядочно времени с тех пор, как происходили описанные читателю процессы.

За это время Габбе успел отбыть заключение и отправиться в ссылку, определенную приговором суда. Нина Васильевна сопровождала его и не

только по своей воле: путь их в глухой таежный угол был определен тем же приговором. Здесь суждено было осуществиться влечению молодой женщины к сценической деятельности и не без пользы для маленьких жителей. она играла по маленьким клубам и даже в юртас якутов.

За это же время отбыл и свою долю и русский экземпляр американского кино-гения. Доля эта была, впрочем, не столь горькой. Суд принял во внимание и пролетарское происхождение, и наличие яикренского рассказчика у обвиняемого и ограничился условным приговором. Однако Гарри былуволен со службы и как не служащий в ЮФФТ'е выселен из общежития. Он не слишком тужил об этом, так как избавился от постоянных встреч с подругами Кетти и с ней самой, и это вознаграждало его за потерю жилища. Ему удалось устроиться на работу в кино, правда в незавидной роли входного контролера, но он как-то мало считался с этой переменой в судьбе: самое важное — бакенбарды, кадры из фильмов с портретами идеала и новинки экрана — все это пропрекнем окружало его.

Общежитие с глубоким удовлетворением проводило из стен своих юного Дон-Жуана. Даже Кетти вздохнула свободно и как-то быстро стала забывать о своем несчастном увлечении. В этом ей, надо признаться, помогал Саломасов.

Счастливый юноша! Он одинаково горячо принимал к сердцу интересы каолинизации глин, Кетти и свои собственные. Он со всеми юношеской горячностью работал не только над превращением гончарных глин в фарфоровые, но и над превращением нравившейся ему девушки в друга и человека.

Теперь они женаты. Он работает над дипломной работой и мечтает рано или поздно осуществить идею,ложенную им в основу опытов в лаборатории треста. Тележников с нетерпением ждет дня, когда можно будет зачислить его в Химический отдел ЮФФТ'а, но Саломасов надеется остаться в институте для научных работ.

Кетти работает, но уже не на складе, и почти не видится с подругами. Впрочем, это излишняя предосторожность. Едва ли бы они могли иметь теперь хоть какое-нибудь влияние на ее ум, переполненный другими мыслями.

Габбе — бывший и будущий Конец

Пионеротряд или скрипка, общественная работа комсомольца или учеба в консерватории — что важнее, как относиться ячейке к комсомольцу, бросившему работу с пионерами из-за музыки? — вот вопросы, поставленные рассказом П. Матера „Скрипач Андро“ (№ 18 „Смены“ за 1928 г.). Читателей журнала „Смена“ весьма заинтересовал рассказ. Редакцией получено очень много откликов читателей. В настоящем номере журнала печатается первая партия писем читателей. Дискуссия будет закончена в следующем номере.

ДОЛОЙ КОМАНДОВАНИЕ

О ЧЕМ говорит рассказ «Скрипач Андро» (*«Смена № 18»*)? О нетоварических, невнимательных, некомсомольских отношениях к ячейке; об администрации, принудительной системе работы и о скандальном провале этой системы.

Парни дана нагрузка — руководить пионер-отрядом. Андро влечет другую деятельность, музыкальная учеба. Он, очевидно, не раз заявлял об этом тому же блюро (*«в десятый раз прошу снять с меня ответственность за отряд»*). Но блюро смотрит иначе: *«пусть, мол, играет на скрипке и руководит отрядом»*. Может ли он, нравится ли ему, спрятаться ли он с этим? — до этого никому дела нет. Блюро выжидает, пока работа пионер-отряда развивается окончательно, и тогда начинает «сборывать» несчастного скрипача — тут и дилемма «скрипаки и класс», и философствование на тему «строительство социализма и музыка», и много других, не менее страшных «грехов» (это все, однако, не мешало членам блюро в свободное время восторженно слушать игру Андро).

Теперь мы боремся за товарищеские взаимоотношения в ячейке. Теперь мы несем комсомольские нагрузки в добровольно-обязательном порядке. Поэтому нельзя винить Андро в том, что он стал бегать в консерваторию, забросив пионеров (надо помнить, что он заявлял, что не может заниматься работой). Да и почему это блюро так крепко держит его в вожа-

тих? Неужели нельзя использовать такого парня на другой работе, хотя бы на проведении тех же прогулок со скрипкой вместо гармошки, но в организованном порядке? Чем скрипка хуже гармонии?

По-моему, никаких выговоров закатывать не следовало — не за что. Если блюро живет *«по-старинке»* — ребята не виноваты. И если низовые ребята (*«стриженый, ершистый паренек»*) перерастают в актива, последнему нужно либо податься, либо признаться в своей отсталости, а не обвинять собрание в *«анархизме»*.

С. Антокольский
(с. Измайлово, Москва, уезда)

НАГРУЗКА И СПОСОБНОСТИ

Нужно поставить так, чтобы каждый комсомолец мог получить интересную отрасль конкретного дела.

(Из воззвания ЦК ВЛКСМ о самокритике от 17 июля)

AКТИВ ячейки взял неправильную линию своим предложением исключить из комсомола Андро.

Андро увлекла скрипка. Он настолько отдался музыке, что отчасти было вынуждено блюро винить винить. Мы мало имеем комсомольцев, способных к музыке, и вот когда появился способный комсомолец, ячейка должна была бы способствовать ему в деле изучения трудной музыкальной техники.

Заявления, подобные заявлению члена блюро ячейки, о том, что музыка не нуж-

на рабочему классу, что она буржуазна, — свидетельствуют об отсталости товарища.

С. Беляевский

ПРОТИВОРЕЧИТ ЛИ СКРИПКА КОМСОМОЛУ?

РЕШЕНИЕ ячейки о скрипке Андро лишний раз доказывает, что наша рядовая комсомолия часто бывает более скучна и относится более критически к своей работе, чем наша актива.

Много еще у нас в организациях косности, «скрипаки» с плеча, «скрипаки», под которой зачастую ничего не кроется.

Нам нужно проводить серьезную воспитательную работу среди членов комсомольской организации. Благополучно ли у нас на этом фронте? Ведь одними собраниями, которые бывают один раз, а то и реже, в недавно воспитательной работы не проведешь. Политико-классы... А много ли в них комсомольцев?

Слово секретарю ячейки Карло.

— Скрипка — скрипкой, а ранние классы и комсомол. Предлагают исключение, — заявил этот товарищ.

А что сказал бы «уважаемый» секретарь, если бы ему предложили увязать одно с другим? Почему ему не пришла в голову мысль, что Андро следует освободить от руководства пионерской организацией и перевести на другую работу, более соответствующую его способностям и наклонностям? Ведь исключить из комсомола — это вовсе не выход из положения.

Данилова

(Москва)

В ДНИ КУЛЬТУРНОГО ПОХОДА. Слева — санитарный осмотр общеиздития. Справа — запись в школу по ликвидации неграмотности

НУЖНА ЛИ НАМ МУЗЫКА?

ПРЕДЛОЖЕНИЕ секретаря ячейки об исключении Андро из комсомола за его «халатное» отношение к общественной работе — неправильно!

Подобные случаи у нас не редкости! Многие выполнения той или иной общественной работы считают пределом участия в строительстве, а дальше этого они не хотят ничего видеть.

Такая формальная оценка далеко не всегда оправдывается жизнью.

Еще более ошибочен взгляд, когда говорят, что «работу класса музыка не нужна». Напротив: сила искусства и заключается в том, что оно содействует строительству культуры, она обогащает жизнь и психологию человека, участвующего в создании новой культуры.

Музикальное творчество отнюдь не «личная» прихоть, а таланты из пролетарской среды, какими являются и Андро, должны быть оберегаемы нашей общественностью.

Решение собрания: «вынести Андро выговор и взять с него обязательство лучше относиться к своим обязанностям», частично справедливо, но более правильные поступили бы комсомольцы, если бы они постановили снять часть общественной нагрузки с Андро и помочь ему учиться в консерватории.

Александр Филиппук
(Москва)

ОБ УКЛОНАХ В НАУКУ И ИСКУССТВО

ВОПРОС о взаимопомощи общественной работы с уклонами в искусство и научно-учебную работу заслуживает самого пристального внимания.

Я считаю такие тенденции, как предложение бороться ячейки об исключении Андро, не отвечающими нашим задачам.

Часто бывает, что ячейка отрывает комсомольца от того или иного ценного занятия на работу, которую мог бы с

успехом выполнить малозанятый или свободный товарищ.

В данном случае нужно подходить с меркой «на каждого комсомольца — союзная обязанность», а с меркой полезности этого занятия для строящегося общества.

Где союз больше выигрывает: воспитав из Андро виртуоза-скрипача или, убив у него это стремление, принудить его к работе в отряде?

Конечно, в первом случае. Скрипачу Андро можно было бы дать работу по культурно-воспитательной части, хотя бы руководство музыкальным комсомольским кружком; это не «чистая» политика, но мы поставили перед молодежью задачу овладения всеми областями культуры.

(Раненбург) А. Крылов

УЧЕБА И ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

МНОГО есть изв. и язычок в нашем комсомольском быту и в организациях.

Мы не должны быть одиночками, но извращения таинственных взаимоотношений иногда толкают в одиночество. Тем и отличительна общественная работа, что она рождается не на одиночках, а на коллективной мысли, коллективном творчестве и коллективном руководстве. Большим упущением комсомольской ячейки является то, что, поставив Андро на работу в пионер-отряд, она на том и успокоилась. Схватились только тогда, когда воз начал сплюзовать в овраг.

Изключение из рядов комсомола — не решение вопроса. Суметь удержать скатающегося под гору парня — вот задача организации.

В. М. Никитин (рабфаковец)

ОВЛАДЕТЬ ИСКУССТВОМ

АКТИВ ячейки поступил в корне неверно. Актива должен быть пойти навстречу стремлению скрипача Андро, а не обинять его в мещанстве. Музыка — не мещанство, а искусство. Искусство

такое, которым до революции имели возможность пользоваться исключительно привилегированные сословия. Теперь же мы должны всеми мерами содействовать товарищам, имеющим стремление, как Андро, овладеть искусством.

Не должно быть ни одного вида искусства, которым не овладел бы пролетариат.

Ячейка права.

Говоров (краснфлотец)

ГАРМОШКА ИЛИ СКРИПКА

КАЖЕТСЯ сомнительным, что актив остался побежденным, а победителем — «маленький стриженный паренек». Мне приходилось видеть работу ячеек, но и ингредиент не встречал, чтобы активисты были побеждены каким-то незначительным, не играющим большой роли в организации членом.

Я сомневаюсь, чтобы человек, хотя немного интересующийся искусством вообще, или человек, смотревший на вещи беспристрастно и имеющий хотя бы небольшое образование, мог обвинить Андро. Его могут и будут обвинять люди в роде «активистов» — Карло и эпрака Ашата, которые не видят дальше своего носа, которые думают, что мир кружится вокруг них.

Еще Герцен сказал: «Я ничтож не жалею, что крестьяне Псковской губ. платят подати, давшие нам Пушкина».

Совершенно верно: можно не жалеть многих трудов, лишь бы они дали хорошие результаты. Я не хочу сказать, что из Андро мог выйти Чайковский. Но если бы из него вышел хоть скромный — уже не говоря хороший — дирижер, то вполне можно было бы обновить его от работы. Нам нужны представители искусства, особенно из большевистского лагеря. А то, что Андро таков — видно, как на него действовали разговоры о его исключении.

Ф. Ананьев
(Рязань)

ЗАДАЧИ

Под редакцией С. ГЛЯЗЕРА

№ 94. АРИФМОГРАФ

1	2	3	4	5	2	6	7
8	9	2	7	2	10	2	11
12	13	12	14	15	7	2	14
7	15	5	11	2	9	8	5
16	17	15	3	4	15	18	11
12	15	19	15	3	6	2	20
21	11	8	18	15	3	8	3
15	18	12	9	15	11	12	22

В этой фигуре требуется цифры заменить буквами, простираясь на места одинаковых чисел одинаковые буквы та, чтобы в горизонтальных рядах можно было прочесть ряд названий произведений известного писателя, а в одной из диагоналей инициалы имени и фамилию этого же писателя.

А. Караченцов (с. Казахская)

№ 95. ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. Какой месяц нужно читать наоборот, чтобы получить театр рабочей молодежи? М. Пинник.
(Бердск.)

2. Какую букву нужно приставить к руке, чтобы она стала птицей? В. Елкин (Мелитополь).

№ 96. ЗАДАЧА

— а — е
— з — х
— е — а
— о — р
— х — з
— а — т
— г — р
— ар — ар

Проставьте на местах черточек недостающие буквы так, чтобы читая вновь поставленные буквы, получились фамилии двух русских писателей.

С. Зайцев, (ст. Ферапоново)

№ 97. ШАРАДА

Ногу нужно только знать.
Чтобы ногу мой отгадать,
Нади, прочитите наоборот —
Чтобы ногу я отгадал.
Второй раз угадать нетрудно.
Схему советов писать лишь нужно,
В конце букву принесите,
А все вместе — в географии найдите.

Н. Бахтин (Москва)

№ 98. АНГРАММА

С буквой «Р» — зовется стол.
С буквой «М» — как награду ждем.
С буквой «Н» — беспокойно, бурливо
На собрания часто ведем.

Газиков (Дубровск, поселок)

В «Смаке» № 19 под помечтыным рисунком № 89 пропущена подпись автора А-ра Карапчевца.

№ 99. ЗАДАЧА

№ 99. ЗАДАЧА

ЛЕГЕНДА О СТАРОМ ДИН-ОЕЛЕ

Старый самод Дин-Оэл присмотрел. Он зовет своих сыновей и завещает им свое стадо оленей в 36 голов вместо пороны.

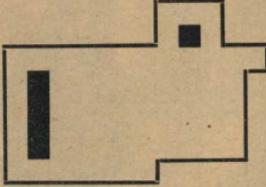
Но старшие сыновья Дин-Оэла жадны и корыстолюбивы.

— Мы старше и мы должны получить больше, — говорят они.

Хорошо, — отвечает старик, — пусть каждый из вас позовет себе одного оленя и одну седьмую часть всех остальных, следующий двух оленей и одну седьмую часть всех остальных, третий сын троих оленей и одну седьмую часть всех остальных и т. д.

У старый Дин-Оэл. Стали звать оленей сыновья. Что же? Каждый из них получал пороны. Сколько было у самоды сыновей и по сколько они получали

№ 100. ГОЛОВОЛОМКА

Разрезать фигуру линиями на части, в виде русских букв, и сложить из букв то, что рекомендует рабочей молодежи.

А. Хаокин

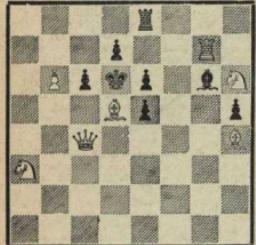

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. Слонима

Задача № 34

Д. ЛЕВИЦКИЙ

Мат в 2 хода.

Задачи этого номера составлены национальными читателями.

Фамилии т.ч., приславших правильные решения, будут напечатаны.

Ф. Земиш,
немецкий мастер

Ф. Земиш в 4 последние недели провел турнир в Гамбурге, Триесте, Дортмунде и Бранденбург-Лихтенштейне, в котором он занял первое место. Победивший Ф. Земиша в первом туре Г. Крампен (Бранденбург-Лихтенштейн) в последующем занял второе место, а Ф. Земиш — третье.

Партия № 16

Французская

Белые: Косянич

Черные: Земиш

Т. к. чигоринский ход, часто приводящий к оживленной игре.

1. e2-e4 07-66

2. Fd1-e2

На конную получено около 70 решений, из них удовлетворяющих условиям конкурса оказалось не более 50. Отдельные, особенно интересные решения дали: А. Г. Борисов, составивший положение с (3,1) ферзями, другие, более скромные, использовались по 5 и 4 ферзя. Конечно, такие задачи были на первом конкурсе, т. к. на новый правилами конкурса включении можно было использовать только количество фигур, которое вообще имеется на шахматной доске, т. е. по одному ферзю, двум ладьям, т. д. Задачи с наибольшим количеством фигуру.

41 мат — В. Христов (Астрахань),

Б. Курилов (Томск), И. Захаров (Череповец), С. Волк (Ленинград).

42 мат — А. Курленко (Симферополь), Л. Гугельсон (С. Заступенко (Киев), Д. Фрекель (Москва), П. Калефат (Одесса).

44 мат — В. Вежин (Томск), А. Вайышев (Липецк-Петровск).

50 мат — Г. Капустин (Ленинград).

Остальные составлены задачи на значительно меньшее количество матов.

По жребию первым пришел Л. Гугельсон, С. Волк, С. Заступенко.

Просим т.ч. сообщить о желательных для них книгах.

10. 1. a5-a6 07-55

11. Kd5-c3 07-55

12. Fc1-f5 07-55

13. Col-b2 b5 : c4 07-55

14. d3 : c4 07-55

15. Kc2-e3 Ke5-d4 07-55

16. Kd2-c2 Kd5-c4 07-55

17. Cf1-e2 07-55

18. f4 : e5 07-55

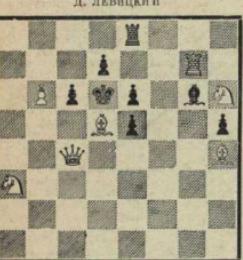
Два последних хода белых бы

были глубоко ошибочными, дававшими

белым мат в 2 хода.

Задача № 35

Л. ГУГЕЛЬСОН

Мат в 2 хода.

возможность создать себе 2 проходных пешки.

19. Kd8-d5 Kf6 : d5
20. e4 : d5 f7-f5
21. Fd8-e2 C7-f5
22. La1-d1 Fe7-c5
23. Fe9-f2 Jf8-e8
24. f1-e1 a5-e4

Решающий удар, против которого нет защиты.

25. Kf3-d4 a4 : b5
26. a2 : b3 Cf8-e7
27. f2-f3 Cg6-e7
28. Cg2-d5 Krg8-h8

Т. н. «предметный» шаг, сделав который, белые сдались. Игорь Земиш производит превосходное иллюстрирование своей цели в своем решении.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

Задача № 24. Г. Гайдебенков, 1. Лес-
ава! Если 1... Kpd8e4, то 2. Cf4-e5; если
1... Lc4 : e4, то 2. La2-c3 x, если 1...
Lc4 : e4, то Kc6-c8 x и т. д.

Задача № 25. Д. Лавров. 1. Cf8-g1!
2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 26. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 1... Cf8-
f7+, то 2. Cf4-b5; f2-b3; 4. cf1 : al и мыпгр);

2. f3, fa1, g4-c5 (если 2... fa1 : g5, то
3. f5-a5 и если 3... fa1 : g5, то 4. f5-a5
+ Krb5-g6; 5. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 27. И. Тимоновского. 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 28. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 29. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 30. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 31. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 32. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 33. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 34. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 35. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 36. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 37. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 38. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 39. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 40. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 41. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 42. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 43. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 44. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 45. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 46. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 47. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 48. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 49. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 50. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 51. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 52. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 53. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 54. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 55. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 56. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 57. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 58. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 59. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 60. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 61. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 62. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 63. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 64. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 65. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 66. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 67. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 68. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 69. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 70. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 71. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 72. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 73. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 74. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 75. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 76. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 77. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 78. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 79. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 80. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 81. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 82. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 83. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 84. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 85. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 86. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 87. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8-
f7+, то 2. Krb7; 4. Krb4-h5; 5. Krb3-h3x).

Задача № 88. А. Гайдебенков, 1. Cf4-
g1! 2. Kd8-d7 Kf6 : d7 (если 2... Kf6 : d7
+ Krb5-g6; 3. Cd1-c2x; если 1... Cf8